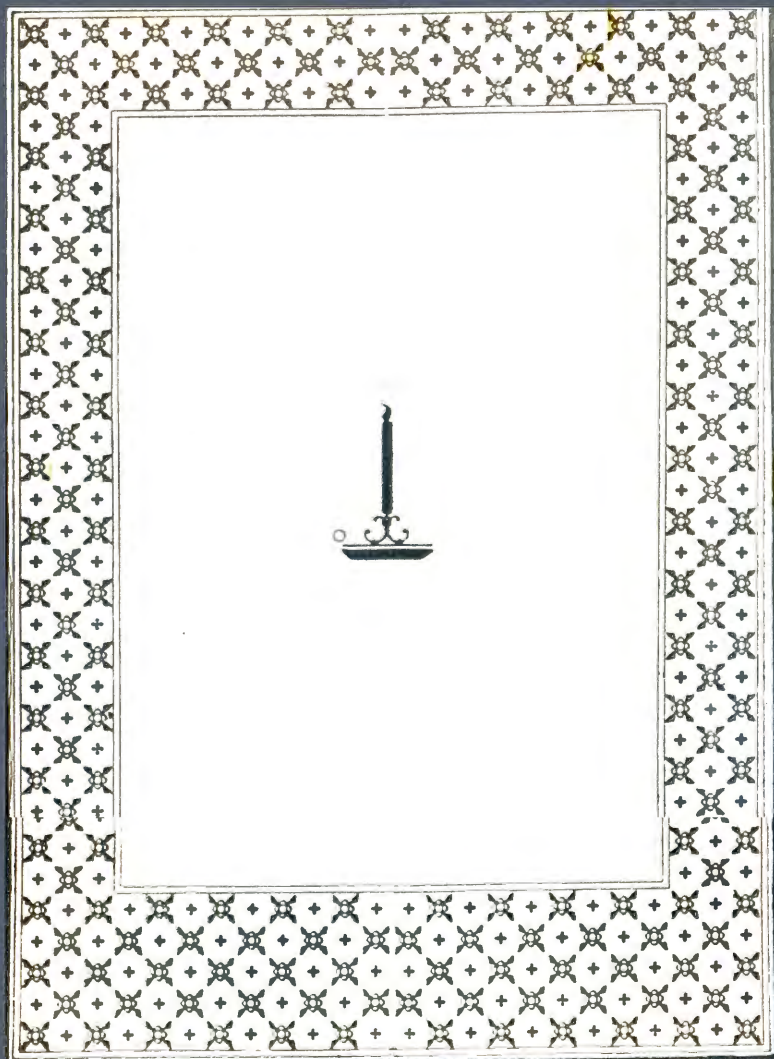
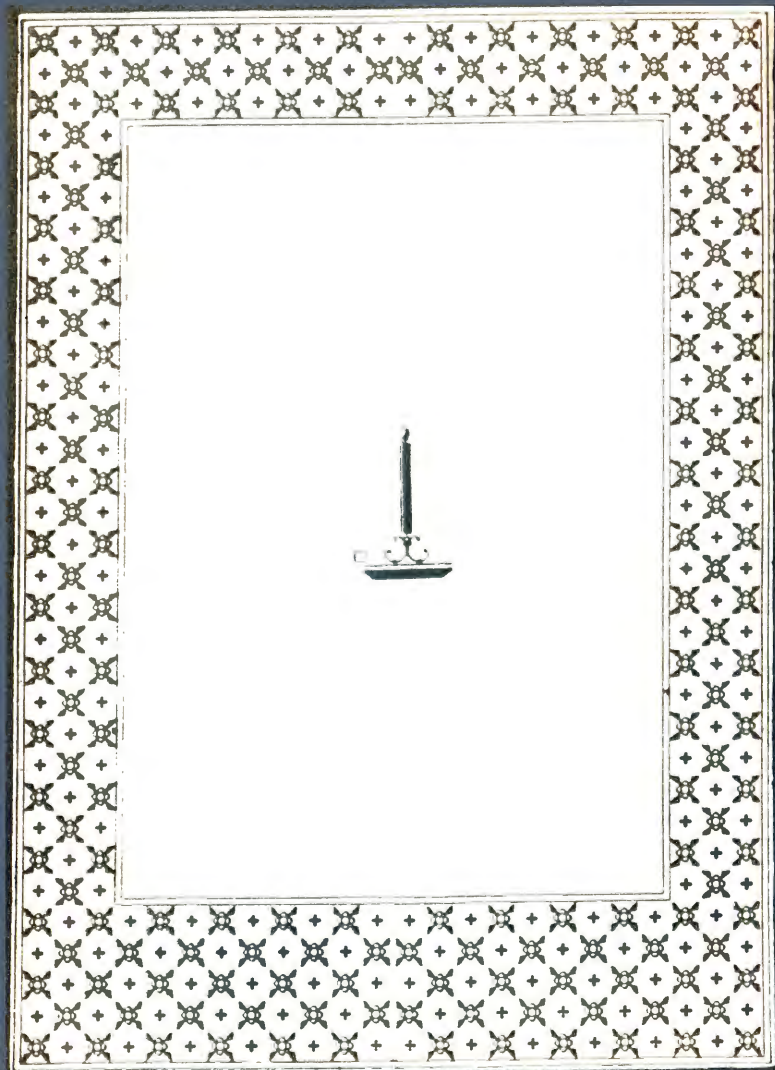

ЦИПРИАН НОРВИД

ЦИПРИАН
НОРВИД

СТИХОТВО
РЕНИЯ

ЦИПРИАН
НОРВИД

*

СТИХОТВОРЕНИЯ

*

Перевод с польского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА ·
МОСКВА · 1972

И(Пол)
Н82

Составление
М. ПОЛЯКОВА

Предисловие
Ярослава ИВАШКЕВИЧА

Комментарии и краткая летопись жизни
и творчества Циприана Норвида
Б. СТАХЕЕВА

Оформление художника
В.л. МЕДВЕДЕВА

7—4—4
160—72

НОРВИД

Не думаю, что советского читателя следует посвящать в чрезвычайно сложную историю литературного наследия Циприана Норвида. Достаточно, вероятно, сказать, что крайняя недоброжелательность судьбы и чрезмерная скрупулезность исследователей долгое время тяготели над этим наследием и долгое время препятствовали осуществлению издания полного собрания сочинений печального поэта. Но то, что уже есть, особенно вышедший недавно большой пятитомник избранных произведений и писем, дает нам возможность уже теперь полностью осознать незаурядную ценность и огромное значение для польской литературы творчества этого писателя.

Я назвал Норвида печальным поэтом, ибо, действительно, его личная жизнь и судьба его поэтических творений сложились исключительно несчастливо. Норвид, который сорок лет провел на чужбине, постоянно борясь с нуждой, умер в Париже в 1883 году всеми заброшенный и забытый. Последние годы жизни он находился в приюте для немощных польских эмигрантов в окружении, которое никак не соответствовало ни его культуре, ни его вкладу в поэзию. Никто из современников — и это было особенно трагично — не сознавал, что сделанное этим всеми покинутым человеком, есть писательский подвиг самого большого масштаба, имеющий принципиальное значение для всей польской литературы и для польской философии, имеющий значение общеевропейское.

При жизни Норвида попала в печать лишь весьма скудная часть его творений: большая их доля осталась в рукописях. Правда, еще в годы его странствий по неблагодарному миру, то тут, то там раздавались голоса людей, отмечавших необычность в европейской литературе такого

явления, как поэзия Норвида. Но критика в целом, более того — наши самые выдающиеся умы, о его творчестве высказывались несправедливо и безжалостно, высокомерно осуждая и его мысли, и поэтическое их выражение. Такие люди, как философ Август Цешковский и поэт Зыгмунт Красинский, советовались, что сделать, дабы материально помочь неимущему поэту и одновременно не позволить ему печатать его «чудовищные бредни». Художник Антоний Залеский говорил знаменитому писателю Крашевскому о необходимости «обратить внимание читающей публики на действительно забытого Норвида», а сам Крашевский считал, что творчество его — это «развалины мысли и столпотворение непонятных слов».

Журналы в стране отклоняли его статьи и стихотворения, а издатели возвращали ему рукописи его книг. Так не было осуществлено издание самого значительного и оригинального цикла его стихов «Vade-mecum»¹, и только в наше время читатель получил возможность с ним ознакомиться.

Репутация «трудности» и «непонятности» упорно сохранялась за произведениями Норвида, особенно в те годы, когда они оставались, по существу, неизвестными. Только в 1897 году поэт и критик Зенон Шшесмыцкий (Мириам) начал вновь издавать забытые произведения Норвида и публиковать найденные в рукописи, которых оказалось большинство. Так лишь спустя пятнадцать лет после смерти поэта началось его возрождение.

Сейчас мы уже имеем издания сочинений Норвида. Первый том Полного собрания состоит из двух частей. Одна из них — это стихотворения Норвида, другая — обширный комментарий издателя, Юлиуша Виктора Гомулицкого.

Стихотворения, вошедшие в том русских переводов, взяты как раз из этого тома, а их польский текст установлен исследователем с необычайной тщательностью и

¹ «Иди за мной» (лат.).

проницательностью. Мне кажется, однако, что чтение поэзии Норвида (как, впрочем, и любой другой поэзии) не сводится к уяснению всех обстоятельств, которые сопутствовали ее возникновению. И именно для такой, на первый взгляд «непонятной» поэзии, как поэзия Норвида, самое главное — это вчитаться в текст, проникнуть в словесную форму творчества, добраться до того, что поэт говорит «попросту».

Норвид — враг всего, что «легко», враг чисто внешних словесных украшений. Он ищет красоту в самом слове — в его звучании и в его значении. При этом его понимание красоты отличается от того, что обычно принято называть прекрасным в поэзии. Он не только отвергает легкий стих Ленартовича, но и иронически отзывается о романтическом пейзаже Словацкого, заявляя, что все красоты «Балладины» идут в ущерб ее смыслу и значению. Он даже — разумеется, с великой осторожностью — дает понять, что не разделяет всеобщего восхищения описаниями природы в «Пане Тадеуше» Мицкевича.

Поэзия для Норвида — это прежде всего «деяние», а деяние — это прежде всего «труд». Одно время Норвида считали чуть ли не реакционным писателем. Его правоверный и нарочито подчеркиваемый католицизм, его связи с аристократией давали к этому известный повод. Но такое упрощение сложной натуры поэта было результатом стремления рассматривать его личность в отрыве от эпохи, в которую он жил, в отрыве от его психологии изгнанника, с молодости и до кончины влачившего свою жизнь вдалеке от родной земли. Идеи Норвида, как отмечает профессор Гомулицкий, сформулированные им совершенно самостоятельно, независимо от программ тогдашних партий в стране и в эмиграции, вызвали многочисленные нападки на поэта и справа и слева, и критики Норвида зачисляли его в самые противоположные политические лагеря.

Но когда мы поймем суть идей Норвида, когда мы уясним себе, каким было его отношение к двум основам человеческого существования — к *труду* и к *свободе*,

тогда мы поймем, какой это был глубокий ум, современный нам, современный в понимании польских проблем и проблем всего человечества, тогда мы увидим, как человек был этот поэт и как стойко он боролся за прогресс человечества. Норвида глубоко волновало предназначение современного ему общества, и — что еще более удивительно и необычно, — как никто другой из наших великих романтиков, он умел заглянуть в будущее и увидеть в этом будущем все те подстерегающие мир опасности, о которых лишь мы, его «поздние внуки», знаем, чем они грозят миру.

Достаточно прочитать два прекрасных стихотворения, которые посвящены памяти повешенного в Северной Америке Джона Брауна, чтобы понять, что Норвид, — разумеется, поляк, разумеется, патриот, — был не только великим европейцем, но и гражданином мира.

Именно эта «непровинциальность» выделяет великого и непризнанного своим временем Норвида среди других наших великих поэтов, над которыми, к сожалению, тяготело проклятие партикуляризма. Норвид видел, что все наши вопросы могут быть решены не ранее других европейских вопросов, — как предполагал хотя бы Мицкевич в своих, как и творчество Норвида, недооцененных лекциях о славянских литературах, — но одновременно со всеми политическими и социальными проблемами Европы, что польские проблемы могут найти свое разрешение лишь в комплексном решении европейских дел.

Не надо, однако, думать, что поэзия Норвида — это поэзия только политическая, только социальная. Поэзия Норвида — это поэзия. Своеобразная, может быть, подчас трудная, полная поражающих и ошеломляющих приемов, опережающая свое время, но прежде всего — поэзия, искусство. И как таковая, она должна быть воспринята читателем. С ней надо общаться, ее надо читать. Это лучший способ понять и полюбить Норвида.

Ярослав Ивашкевич

Стависко
13.1. 1971

СТИХОТВОРЕНИЯ

БУРЯ
(Фрагмент)

Смелее, юноша! Хоть пропасть близко,
И небо новым громом громыхает.
Ты выйдешь из костра, и в звездных искрах
Венец бриллиантовый твой засияет.
Ты перейдешь поток, хоть он бескраен
И не один валун унес огромный.
Не попадешь под тот проклятый камень,
Что, отлетев, скулит, как пес бездомный.
Один среди стихий, один среди битвы,
О помощи взмолишься ты едва ли,
Не будешь с плачем повторять молитвы,
Которые до бури помогали.
Самоотверженности талисманом
Силен, не бросишь весел и не будешь
Ты падать ниц, схлестнешься с океаном
И юной дланью гриву ему скрутишь.
И если даже глотку, точно бездну,
Откроет море, то десница божья
Средь облаков сверкнет тебе чудесно,
И, ухватившись, удержаться сможешь.

Итак — смелее в путь святой и гордый!
И если буря не допустит к лаврам,
Мысль — воскресят соратников когорты,
И дело — станет памятником славным!

1841 год в Варшаве

ПЕРО

...порой
Подыскиваю рифмы в лексиконе;
Коль сносной нет, довольствуюсь
 плохой,
Не думая о том, что в фельетоне
Напишет, негодую, критик злой.

Байрон, «Бенпо»

Снабженное душой не ангельской, а черной,
Но белой ошестиниваясь гривой,
Трясешься ты в руке, жарю пропеченной,
И жалоб за собой влечешь ручей слезливый,
Иль круглые нули, как круглые полушки,
Закатываешь в клетки осторожно.
Так яйца гладкие, похитив у несучки,
Кладут в лукошко... А порой тревожно
Неровных букв струя течет легко и шибко,
И мысль, что уловить, казалось, невозможно,
На знак вопроса вдруг клюет, блестя, как рыба.

Перо! Ты для меня крыло посланцев рая
И Моисеев жезл. И надо ли без прока
Цветной картинкой быть, подобьем попугая
Эмоций иль хвостом мечты-сизоворонка.
По праву сокола стремись к ветрам и высям,
Не выцветай в жару, подобно пестрой тряпке,
Лети, как бурный вихрь, что дик и независим,
Не будь ни пряжкой, ни перышком на шапке.
Не будь пером, в штормах пропитанным водою,
А будь таким пером, каким, борясь со скверной,
Мешают сыворотку с кровью молодую,
Иль гривою стрелы, стремительной и верной.

МОЯ ПЕСЕНКА [I]

П о л. Попробую опять. Что вы чи-
таете, милорд?
Г а м. Слова, слова, слова!

Шекспир

Скверно, скверно повсюду,
С черной нитью пребуду
Я всегда — от нее не уйти мне,
Ведь она в каждом взоре,
В каждом выдохе горя,
И в слезе, и в молитве, и в гимне.

✱

Разорвать не пытаюсь,
В ней неправая святость,
Мне не хочется рвать этой нити;
Но везде и повсюду
Будет там, где я буду:
Тут — закладкой в распахнутой книге,
Там — цветы перевяжет,
Здесь — расстелется, ляжет
Низко, как паутина степная,
То незримо для зренья
Расплетя свои звенья,
То незримо их снова сплетая.

✱

Не юнцу уподоблюсь,
А явлю в битве доблесть.
Пусть венец и бокал поднесут мне.

Я венец водружаю
И бокал осушаю,
Слышу, шепчут: «Смотрите, безумный!»

*

Чтоб избыть эту муку,
Приложил к сердцу руку,
И десница безвольно застыла.
Громкий хохот раздался,
Я без длани остался,
Черной петлей ладонь мне обвил.

*

Скверно, скверно повсюду,
С черной нитью пребуду
Я всегда — от нее не уйти мне,
Ведь она в каждом взоре,
В каждом выдохе горя,
И в слезе, и в молитве, и в гимне.

*

Не юнцу уподоблюсь,
А явлю в битве доблесть,
Будь со мной, златострунная лютня!
Чернолесскую речью
Пусть мне сердце излечит!
Заиграл...

стало грустно и смутно.

*Написано во Флоренции
в 1844 г.*

ITALIAM! ITALIAM!

1

Подними латинский парус!
С ним легко и вольно плавать!
Мысль, плыви теперь, как память,
Память перегнать стараясь!

2

Столько моря! Моря много,
Словно солнечного неба!
На ладью! За весла смело!
И вперед! Счастливо! С богом!

3

И не возвращайся грустной
Ты от лавров, где Торквато
Иерусалим пел с чувством,
Где я счастлив был когда-то...

4

Но с печалью, а не кладом
Ты воротись отсюда —
Знаю, но зато я буду
Плакать вновь, как прежде плакал...

5

Подними латинский парус!
С ним легко и вольно плавать!
Мысль, плыви теперь, как память...
.
Память перегнать стараясь!

SCHERZO ¹

На сцене ночь.

Действующие лица:

Один из них

Второй

Он

1-й

Тебе дам тьму желаний и стремлений
И семилучье радуги тебе дам,
Дам без печатей книгу Откровений,
Пронизанную ветром...
И при этом,
Как дух, начнешь парить свободно, мощно
В том мире, что земным умам неведом,
Где все другое...

Он

Это невозможно!..

2-й

Тьму городов и сел тебе отмерю,
Дам сто коней, прислужников дам толпы,

¹ Шутка (итал.).

И слово «сытость» напишу над дверью,
Чтоб с днем безоблачным сравниться мог бы.
Нектаром будут полны подземелья,
И музыку под сводами поселим,
Везде ковровый пурпур заалееет...
Ты выбирай!

Он

Уже я выбрал — сени...

1-й

А я могу тебе...

Он

Пустые речи!

2-й

Чего ж ты хочешь, глупый человек?

Он

Чтоб ты ушел... Страшусь я одиночества!

•

(Светает, я вь стирает сумрак дочиста.)

БЕЛЫЙ МРАМОР

Эллада!.. Мрамор плеч твоих ласкаю взором
И спросить хочу: что сделалось с Гомером,
С тем, кто учил тебя небесным вторить хорам?
Где гроб его? Где дом? Ответ мне хоть размером
Эгейских волн, что бьют гекзаметром о скалы,
И пеной запиши в бессмертные анналы.

Эллада дивная!.. Но где, скажи, твой Фидий?
Божественную статью он дал тебе, Эллада,
И дух изобразил в твоём телесном виде.
Не умер ли в тюрьме? Где доблесть Мильтиада?
Где Кимон, Фемистокл?.. Не приговорены ли?
Где Аристид, твоё возлюбленное чадо?
Где все изгнанники, что так тебя любили?
Где старый Фотион, принявший чашу яда,
Венчая свой триумф... А где Сократ?..

В могиле!

Ах, синеокая, в обличии Минервы!
...Вот потому твои достойные руины
Встречаем с радостью, с тоскою покидаем!
Фиалки здесь растут средь каменной равнины,
И мы на память их, как слезы, собираем.

*На борту корабля
в Эгейском море, 1848 г.*

ВРЕМЕНА

История мертва, схоронена эпоха,
Вновь созиданье в бездне безграничной.
Виват! Но почему еще столь много
Людей различных и разноязычных,
Разноплеменных, кровью истекая,
Сердцами тянется к родному краю?

История свой труд не завершила,
Кто глыбу поднял, тот уже не может
Расслабиться, держать ее вполсилы,
Расслабленного глыба уничтожит.

История свой труд не завершила,
И шар земной раскаянье не гложет!

ОСЕНЬ

О, лучше по шипам! Без колебаний
На пики сделать шаг,
Чем по грязи из слез, через стенаний
Кромешный мрак.

*

Пускай огни растают в поднебесье
Вослед заре —
И возвратятся знаменем и вестью
О радостной поре.

*

Ведь лучше по шипам — без колебаний
На пики сделать шаг,
Чем по грязи из слез, через стенаний
Кромешный мрак...

Париж, 1849 г.

ПЕСНЬ ОТ НАШЕЙ ЗЕМЛИ

И в схватке станет ясно, чье
право лучше —

Жанна д'Арк

1

Где нынче виселица громоздится,
Там нынче и стоит моя столица,
Мой центр, мой град.

С востока — мудрость лжи и ночь коварства,
Калкан из золота, нагайка рабства,
Грязь, мор и яд.

На западе — ложь-знание, фейерверки,
Под логикою — пустота, а сверху
Лишь спесь у них!

На севере — слились восток и запад,
А юг — еще живет надеждой слабой
На злобу злых!

2

Так что же — ниц упасть, закрывши очи,
Кричать: «Копыта пусть меня истопчут,
Как первотрав!»

Или молиться, руки простирая
К золотоперым звездам, принимая
Все сны за явь?

Забуть, что я, как на вулкане — остров,
Где кровь и слезы собирают просто,
Как виноград...

Иль знать, какой огонь меня сжирает?
Куда ползет, куда он течь желает?
И — хмурить взгляд...

3

Коль в лабиринтах мозга д у х твой заперт,
То вызов я тебе бросаю, запад,
Я, славянин!..

Тебе, восток, тогда назначу в с т р е ч у,
Когда я больше совести не встречу
Среди долин.

Юг, ты зарукоплещешь мне; доселе
Рукоплескал ты силе... Хмурый север,
Мне жаль тебя.

Я встану с а м. Я дам народам братство,
Их ободрю. Ведь я, пройдя мытарства,
П о с т и г с е б я.

AERUMNARUM PLENUS ¹

1

О, почему мне так грустно, так смутно?
Я, мир иль век петь сегодня должны?
Ах, мне знакома огромная лютия,
Все наши души в нее вплетены.

2

Знаю, что в мире у радости каждой
Антиподобие есть, антисмех,
Так же приспешников я не однажды
Благословлял, проклиная их всех.

3

Что же грущу я, грустить не желая,
Ведь не желаю душою кривить?
Все, что отринуть нельзя, укрывая,
И, почитая, что трудно убить.

4

Грустно затем, что узнать я не в силах,
Долго ль еще обречен сброд людской
В самых жестоких торчать водевилях,
Спать и во сне плакать: «Век, мол, такой!»

¹ Исполненный страданий (лат.).

5

Вот почему я в тоске пребываю
Духа людского нет средь бытия,
Чистый аккорд зазвучит ли — не знаю,
Буду покоен когда-нибудь я?

6

Сам я не знаю, сумею не знать ли,
Что наша жизнь здесь все меньше в цене,
Что, пробуждаясь, все легче сказать мне:
«Лучше навек оставаться во сне».

1850 г.

НАША ЭПОПЕЯ

1848

I

По подвигам твоим читать учился
И песнь свою тебе спою, о рыцарь!
Высокий, вижу, ты отворотился
От солнца, что на шлеме золотится,
Потом лучом по панцирю сбегает,
С осиротевшим стремям играет.

II

Лицо твое воспеть совсем не просто,
Его черты и у других встречаешь.
Но сердце? С вечной жаждою героизма
Я чту и понимаю... мой товарищ...
Я страсть твою и пылкость разделяю,
Меня насытили твои деянья.

III

Ребенком — над страницей пожелтевшей
(Бумагу помню, цвет ее и шелест!)
Я, голову руками подперевший,
Вбирал эфир — о, сколько мне хотелось
Вобрать эфира! — все казалось — мало!
И сколько было грусти и печали,
Коль свечка (в грош ценою!) догорала,
Иль старшие меня зачем-то звали,
Иль видел, что уже близка развязка
И до конца дотянется указка!..

IV

Любил тебя, и правду ли пишу я,
Узнаешь все, что здесь писал, читая,
Мой слог не боек, творчеством грешу я
Не часто, как живу, так сочиняю.

V

И ты опять встаешь передо мною,
Как некогда, доспехами ржавея,
И будишь грусть, что спит во мне змеею...
И у меня была ведь Дульсинея!

VI

И ничего смешного в этом нету!
Ну, зритель, ну, читатель,— порезвятся...
Но нам, которые спешат по следу
Разбойников, чтоб заново сражаться
И спящую расколдовать принцессу,—
Скорбь, горечь, зной, дорога в чаще леса.

VII

А смех? Потом в истории потомки
Пускай смеются, что мы так ничтожны,
Зато они чисты и в славе громки,
Великолепны и ясновельможны...

VIII

Они? Они средь райского величья,
Влюбленные, не ведая измены,
Порхают со своими Беатриче
В венках лавровых, в кольцах драгоценных,
Планеты им с улыбками кивают
И Слава им объятья раскрывает.

IX

Дай сил им, бог...

X

Мы — рыцари другие,
Мы без пажей, алеют ленты наши,
Через леса сырые и глухие,
Мы издалека тянем нашу пряжу,
От окон, чей простор решетки душат,
И от ворот с щетиной злобных пушек.

XI

Там, на лугу, пропахшем гарью едкой,
Драконы греются; а там бесстрашно
Проказник-гном березовою веткой
Кошу щекочет ноздри; там из башни
Кому-то панна тайно улыбнулась;
Там желто-серая змея свернулась...

XII

Ах, эти тропы я прошел без счета,
Копьем огромным раздвигая ветви,
О том тебе известно, Д о н - К и х о т у,
Тебя влекут воспоминанья эти.
Пусть многоликая толпа судачит —
Шпор недостойна шляхтича Ла Манчи.

XIII

Но знай, что я не видел Дульсинеи,
Не знал ее, о мой преславный рыцарь,
И лик ее мне не успел открыться,
Вот разве ветерок, слегка повея,

Вуаль откидывал — тогда сверкала
Мне диадема; иль сиял печально
Опал в ее колечке обручальном;
Иль туфелька, что с вереском играла,
Сияла малым краешком, как жемчуг,
Как раковинка, нежным перламутром...

XIV

И это все!.. Лишь птицы мне щебечут,
Как, расколдованная, синим утром
Она, из башни выйдя, вниз к драконам
Спускается, в руке сжимая лампу.
Чудовища, от света цепenea,
Когтями землю рвут, режут со стоном,
Ломают крылья в темном подземелье...

XV

Что ж, то, что птицы видят на рассвете,
О том щебечут, сев на шлем, на щит мой,
Но лгут они — тому душа свидетель! —
Потребна правда только нам, как видно,
Нам, нам одним, нам, Д о н - К и х о т а м смелым,
Наперекор драконам, ядам, стрелам!..

ЗАСЕДАНИЕ

(Ш у т к а)

В огромном зале с пылью, хламом, сором
Разделались... И вот вошли мужи,
В свои места воткнулись, как ножи,
И заявили... что собрался кворум!!
Пока они приступят к разговорам,
Чудак откроет па р, а пейзажист
На полотне рас свет увековечит,
Один недоучившийся дантист
От хворей человечество излечит...
А в Академии?.. Там, как обычно,— к в о р у м.

ИХ СИЛА

(Ш у т к а)

Войска, фельдмаршалы, огромнейшая рать
Шпиков — двуполых, явных, бестелесных,
Против чего они собрались воевать?
Против идей... давно уже известных.

ПАМЯТИ БЕМА ТРАУРНАЯ РАПСОДИЯ

...Клятву, данную отцу, я хранил
по сей день...

Ганнибал

I

Тень, зачем уезжаешь, руки скрестив на латах?
Факел возле колена вспыхивает и дымится.
Меч отражает лавры и плач свечей тускловатых,
Сокол рвется, и конь твой пляшет, как танцовщица.
Веют легкие стяги, переплетаясь в тучах,
Как подвижные палатки в лагере войск летучих.
Воют длинные трубы, захлебываясь; знамена
Клонятся, словно птицы с опущенными крылами,
Словно сбитые пикой ящеры и драконы,
Пикой, которую ты когда-то прославил делами.

II

Плакальщицы идут. Одни простирают руки
И поднимают снопы, разодранные ветрами.
Иные — слезы в ладони, как в раковины собирают,
Иные — ищут дорогу, проложенную веками.
Иные — бросают наземь глиняные кувшины,
Усугубляя печаль звоном разбитой глины.

МОЯ ПЕСЕНКА [II]

По тем просторам, где крошек хлеба
Не бросят наземь, считая все же
Их даром неба,
тоскую, боже.

*

По тем просторам, где гнезд на грушах
Никто не рушит — ведь аист тоже
Нам верно служит,—
тоскую, боже.

*

По тем просторам, где на Христово
Благословение похоже
Привета слово,
тоскую, боже.

*

И об ином, о чистом столь же,
Как вертоград средь бездорожья,
Все больше, больше
тоскую, боже.

По не впадающим в сомненья,
По тем, чье да на да похоже,
А нет на нет, без светотени,
тоскую, боже.

Везде тоскую. Кому я нужен?
О дружбе — ведь со мной никто же
Не очень дружен —
тоскую, боже.

ТРИ СТРОФЫ

Не лги, что я принес тебе терзанье,
На тыщи миль я нас разъединил,
Бесчисленные слезы в Океане,
 Как жемчуг, схоронил!..

Не думай,— только праздничному чувству
У праздничных поклонников учась,
Не говори, что все земное пусто,
 Живи — живешь лишь раз!..

И знай — не доверяя мысли праздной,
Что я не дал надеждам расцвести,—
И повторяй, что под звездой несчастной
 Рожден я. И — прости...

1854 г.

КРОТКУЮ ПЕСНЬ НЕ ПРОСИ...

Теофилю Ленартовичу

Кроткую песнь не проси у поэта,
Замер во мне ее голос.
Если молчу я — не сетуй на это,
Цветом не сделаешь колос.

Я из отверженных этого мира,
Гордость во мне и мятежность.
Даже любовь в моем сердце двукрыла —
В ней и презренье и нежность.

Жалко, мой брат, поступиться простором
Духа и жалко, почуя
Приступ тоски, веселить этот форум.
Вот оттого и молчу я.

Пусть же сплетает пурпурную пряжу
В сердце жестокая пряжа.
Гордые — и перед господом даже,
Молча мы терпим, без страха.

СОКРАТ, ЗА ЧТО АФИНЫ УВЕНЧАЛИ...

I

Сократ, за что Афины увенчали
Тебя с т а т у е й, поднеся вначале
Отраву в чаше?..

Что для своей Италии создал ты,
Коль д в е г р о б н и ц ы возвела для Данте,
Сперва изгнавши?..

И что, Колумб, ты сделал для Европы,
Коли тебя т р и р а з а гробокопы
Хоронят в склепе?

За что хотят найти твой прах, Камоэнс,
Когда всю жизнь ты прожил, беспокоясь
О жалком хлебе?..

И в чем, скажи, Костюшко, ты виновен,
Что д в у х м о г и л в д в у х с т р а н а х
у д о с т о е н,
Не зная крова?

Что, Бонапарт, ты сделал в этом мире?
За что, отдав под стражу, подарили
Потом — д в а г р о б а ?

Что ты, Адам Мицкевич, сделал людям?
.....
.....

II

Итак, не важно, где тебя положат,
Когда, с кем рядом! Сетовать не будем.
Еще твой прах двукратно потревожат,
И множество заслуг твоих представят.
Слез, пролитых сегодня, устыдятся,
По - н о в о м у оплачут и прославят
Те, кто не мог с тобою повстречаться...

III

Не может человек, тебе подобный,
Улечься мирно в тишине загробной,
Не сразу ты заснешь на тихом ложе,
Лишь глина с глиной совмещенье терпит,
А две стихии лишь гвоздями скрепит
Мир — раньше или позже...

*Написано в Париже
в январе 1856 г.*

МИР

Генералу Юзефу Высоцкому и
генералу Людвигу Мерославскому
посвящает автор.
1856

I

Вещают огнецветные каскады,
Что мир настал и что взята Гренада:
Последний мавр перед дорогой дальней
Согнул клинок в звено цепи кандалной;
П л а н е т а (в с я и с п а н с к а я д е р ж а в а !)
Счастливо дождалась, чего желала.

II

Средь яростного ливня лампионов,
Средь воодушевления миллионов
П л а н е т ы в с е й (д е р ж а в ы в с е й
и с п а н с к о й !)
Один лишь, молчаливый и бесстрастный,
Шел за двором, но не был сумасбродом.

III

То был Колумб... из Лигурии родом.

*Написано в Париже,
2 марта 1856 г.*

СПАРТАК

Когда не было уже места...

1

Три боя принял гладиатор
И дланью погрозил рядам:
 «И М о щ ь,— кричит в амфитеатр,—
 И М у д р о с т ь видите не там...
Юпитер жалок мне. Минерва
Теперь себе самой смешна.
Вам, двумстам тысяч, ежедневно
Нужны рыданья, кровь нужна.
Пришли, смятением гонимы,
Постичь наш д у х и нашу м о щ ь...
Для вас — мы книги и картины,
Наш клич, как свист пращи точь-в-точь.
Пришли, смятением гонимы,
И весь ваш свет — всего лишь н о ч ь!»

2

Три боя принял гладиатор
И дланью погрозил рядам:
 «Л ю б о в ь,— кричит в амфитеатр,—
 И Д р у ж б у — видите не там!..
Кастор, целуя Полидевка,
Их верность давнюю клянет;
Со щек Венеры, лысой девки,
С румянами стекает пот.

Сидите, камни в получаше,
И скоро мхом покроет вас.
Отвага ваша — муки наши,
А ваше тело — наша казнь.

Сидите, камни, в получаше,
И ваша жизнь — лишь с м е р т ь и м р а з ь!»

Написано в 1857 г.

СЛАВА

Голодный, не хочу жратвы и не
хочу быть старостой,
И не хочу лизать придворную
похлебку,
Глуп тот, кто потрафляет королям,
Позор тому, кто веселится
среди лжи.

Я. Кохановский

I

«Шедевры переплетного искусства,
Тома в сафьяне, серебро застежек,
В венках лавровых мраморные бюсты,
И к звездам локти орденских дорожек.
О, перьев облака, сверканье красок,
О, свист бичей, ободьев позолота,
О, улица среди улицы колясок,
Поклоны, обороты, повороты...

II

О, лавры! — ветви пальмы, листья дуба,
Венки из роз... Или над бездной этой,
Где ваши хоры так роятся тупо,
Другой нет бездны?.. И за ней планет нет?
И нет — других законов?..

III

...или атом

Земного мрака, тот, что незаметно
Влетел в окно — с цветами, с бриллиантом —
Шепнул, исчез... считаете — бесследно?..
— А шум — для вас — есть громоуханье гнева
Истории? А слава не умолкла?
Нет тихих проповедников у неба,
Что видно рассветающим сквозь стекла?
— А пыль, что ноги с пола поднимают,
В себе людского праха не содержит?
Конгломераты думают, мечтают,
Что могут все... (никто их не утешит...)

IV

Бессмертие для них, что воскресенье,
Прервавшее унылых дней теченье,
Поэзия для них — дрожанье нервов
В такт их страстям, а назначенье перьев
Быть опахалом евнуха — в угоду
Прелестницам ниспосылать дремоту...

V

О нет! — умолкнут причитанья эти,
Вы станете к ним просто безучастны.
Как мальчик к политической газете,
В нее он заворачивает сласти.
О будущем его кричит газета,
А он с нее... ест, точно фрукты с веток...»

VI

Так думал справедливо и жестоко,
Когда бродил в срединном длинном зале,
В ста зеркалах, лучах на сто потоков,

Как млечные пути, огни сияли...
А волны бархата, его изломы,
Ложились тут и там, как изголовье
Для мраморных дриад, для белых гномов
С их вечной алебастровой любовью.

VII

Казалось, эти профили не раз мне
Шептали что-то, но при появлении
Моем смолкали... Нынче вижу ясно:
Что мраморными не были с рожденья.
И как бывает, если зной спадает,
Почувствовал, бродя по тем салонам,
Что воздух грудь моя другой вдыхает,
И шум стал различать я слухом сошным;
И вдруг увидел Явь и Явь услышал,
Как будто в коридор со сцены вышел.
И мраморные бюсты и фигуры
Земными становились и редели,
Их головы, вдоль стен склонясь понуро,
Теряли величавость и бледнели.
Свет ламп приоткрывал мне не зловредный
Сонм призраков, а духов благосклонных,
Что любят мыслить, стоя у колонны,—
И тут я понял, что... стою в передней!..

VIII

Вдруг вижу — ворот с галуном на сонном
Каком-то человеке... шею давит...
Сидит себе привратник под Нероном,
Троян неподалеку поджидает.
И рядом — из-под крыльев шляпы вижу
Знакомый бюст... Кто — рекс иль император?
Терпя позор, он все же неподвижен...
Я подхожу и узнаю... Сократа!

IX

Итак, к нему я обращаюсь с грустью:
«О муж, не потому ль ты нам известен,
Что был сенатором? (В том мало чести!)
Что ты вытесывал из камня бюсты?..
Иль потому, что в битве рукопашной —
В проигранной! — не бросил меч свой острый?
Что раненого до коня донес ты?
Что жизнь свою считал пустою фляжкой?
Ты был поборник высших идеалов.
И не за это ль дорог ты народу?
Иль осудил ты девять генералов?
Иль был поэтом, не писавшим сроду?»
.....

X

Так путано и долго думал, стоя
У бюста рядом с дремлющим слугою.

НА СМЕРТЬ ЯНА ГАЕВСКОГО
ПОЛЬСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭМИГРАНТА —
ФРАНЦУЗСКОГО ИНЖЕНЕРА—УБИТОГО ВЗРЫВОМ ПАРОВОЙ
МАШИНЫ В МАНЧЕСТЕРЕ В ИЮЛЕ 1858 г.

1

Глядя на западное просвещение,
На чудеса его и чудодействия,
Верили люди: не будет возмездия
За прометеево похищение!..

2

Мол, Люцифер хитроумен недаром,
Сызнава свяжет единство людское
Не героизмом и не любовью,
Эксплуатацией свяжет и паром...

3

Если ж обманут, обидят ДРУГОГО,
КТО вездесущ в доброте и величье,
То будут снова и крест и Голгофа,
Сын человеческий в новом обличье.

4

Так Эпопею котлом раздавило,
В куче мозгов и сердец обгоревшей
Гибель нашел благородный Гаевский,
Но не героем сошел он в могилу!..

5

Не ради прибыли пали без счета,
Грудюю мяса, но ликом едины,
Шляхтич с рабочим в землю чужбины
Рядом легли — дети жертвы, сын гнета...

6

Братства знамена вьются, ликуя,
Жизнь еще в смерти ищет корысти,
Вспомним изгнанника евангелиста,
Пел он в кипящем котле «Аллилуйя!»...

*Написано в Париже,
июль 1858 г.*

ГРАЖДАНИНУ ДЖОНУ БРАУНУ

(Из письма в Америку, посланного в ноябре 1859 г.)

О Ян! Через простор морей холодных
К тебе, как ч а й к у, песню посылаю.

Ей долго плыть в отечество свободных,
Застанет ли его таким — не знаю.
Иль, как седин сиянье благородных,
На эшафот пустой присядет с краю,
И отпрыск палача рукою неумелой
Метнет камня в крылья чайки белой.

*

Все ж, прежде чем веревка палача
Затянется вокруг шеи несклоненной,

Пока стопой, опоры не ища,
Не оттолкнешь планеты оскверненной,
Пока земля от ног твоих, как гад,
Не прынула,—

пока не говорят:

«Повешен!» — веря в то недоумённо.

Пока не натянули капюшона,
Боясь, чтоб, сына лучшего узнав,
Америка не возопила грозно:
«Погасни свет мой двенадцатизвездный!..
Ночь! Ночь идет — как негр, лишенный прав!..»

Покуда тень Костюшки не прольет
Свой гнев и Вашингтона тень не встанет,
Прими начало песни, Ян! Она, как плод,—

Покуда зреет, человек умрет,
Покуда песнь умрет, народ
воспрянет!

ДЖОН БРАУН

1

Как пленные орлы в рассветный час
Вдруг просыпаются в тиши зверинца
И, не умея навсегда смириться,
О клетку бьют крылом, разгорячась,
И каждый раз, смиряя их замах,
Железо клетки перья им сбивает,
И птицы грустным оком озирают
Кровавые заплаты на крылах
И вспоминают, замерев от боли,
О том, что на земле они, в неволе,

2

Так вы, разноплеменные борцы,
Орлы свободы, росшие в неволе,
Зачинщики, угасшие в подполье,
Младенцы в гробе, старые юнцы,
Что непреложный в р е м е н и закон
Усиьем мышц и нервов сокрушают
И словно одержимые дерзают
Опередить неспешный ход времен,
Приходите вы в мир не для того ли,
Чтобы понять — вы на земле, в неволе?

3

И вот как раз не здесь, у нас, а там,
 Где настезь отворённая свобода
 Становится традицией народа,
 Подобная не зданью, а вратам,
 Там, в молодой стране, седой старик,
 Который по годам ровесник века,
 Встал ныне на защиту человека,
 У коего с рожденья черный лик,
 Воздвигся, как пророк, над временами,
 Чтоб жертвовать собою и сынами.

4

О люди, слушайте, как он, старик,
 Беседует, не опуская зора,
 С тюремщиком. Ведь на земле не скоро
 Столь сдержанный родится бунтовщик.
 Не скоро в мир придет такой боец,
 Отважный старец, висельник почтенный,
 Столь твердый волей, духом неизменный,
 Великий вождь и жертвенный отец.
 Его простая виселица краше,
 Чем выставки диковинные ваши.

5

Уж скоро судьи пред собой солгут,
 И звездный флаг опустится устало,
 И треснет правосудия зеркало —
 Когда его на гибель поведут,—
 И он, сказав: «Аминь»,— и не склоня
 Суровой головы перед толпою,
 Сам оттолкнется от земли стопою,
 Как вскакивает всадник на коня.
 И станет он пятном на солнце алом.
 И станет он пятном в зрачке усталом.

О, тени тех прославленных мужей,
О, Вашингтонов и Костюшко тени,
Которые явились в дни смятений,
Чтобы твою свободу звать своей,—
Не проклянут ли, глядя с высоты,
Америка, они твоё деянье!
На знамя черное, на злодеянье
Укажут их суровые персты.
И толпы разглядят на всей земле,
Что с Брауном — Америка в петле.

БЕАТРИЧЕ

Любить пришла я, а не ненавидеть.

— Я думала над вашими стихами;
Но в них ни слова нет о Беатриче:
И если ни к одной прекрасной даме
Не обратитесь, вы нас огорчите.
— Ах, пани! Я, конечно, не забуду,
Что вы взяли за труд весьма не модный.
— Труд?..

— ...Несомненно. Ведь нигде и всюду
Мои стихи. Я не певец народный,
Чью песенку, повторенную кметом,
Подхватит вихрь и передаст кометам;
Но я и не для тех, кто чужд народу...
Томов ин-кварто или ин-октаво
Я не издал, читателям в угоду...
Мой стих — везде!.. И Краков, и Варшава,
И Град Царей!.. Души для испытаний
Я не жалел, не ведал доли мирной.
Ты, говоришь, прочла меня?.. О пани!
О женщина!.. Я создал том обширный,
Как холм могильный — о тебе —

— Позволь же
Спеть О д у ж е н щ и н е — но в странном стиле...
— Я слушаю...

— Не повторяю больше —
«Ты-ты не та, не ты», — как нас учили.

(Начало удивительно шаблонно!)

— Начните прямо: ж е н щ и н а!

— Законно,

Но, пани, то конец, а не начало,

И в этом главной трудности причина...

— Начните, как вам сердце подсказало...

— Да, начинаю с песни лебединой.

о д а

Когда гоняла обруч ты утрами

Простоволоса,

Я умолял, порою со слезами,

Поправить косы.

Благословил по-братски добродетель

Я тою ранью:

Не помнишь ты, чему я был свидетель...

Что за создание!

За это б надо косу золотую

Отрезать сразу,

Иль с ангелом твоим затеять злую

Проказу.

Я был печален — кто ж ко мне явился?

Не ты — о пани! —

Когда струилась кровь и кров дымился

В час испытаний.

Я бледен был, а роза за решеткой

Благоухала;

Бродил я в пущах — мох постелью жесткой

Судьба мне стлала.

Мне с грустью человеческой и божьей
Пришлось спознаться;
И злую зависть усмирял я тоже
В пучине адской.

Имел бы право крикнуть: «Эвридика!
Прошу, ответствуй!..»
И Андромaxe молвить: «Погляди-ка,
Сколь знал я бедствий!»

Не как Эней прошел я сквозь пределы
Пещер враждебных:
Вы золотой мне ветки пожалели
И трав целебных.

Когда я гордо шел стопой босою
Сквозь века наледь,
Моею не был ни одной слезою
Наряд твой залит.

И не твоей вуалью — смертный пот я
Отер ладонью,
Хоть я не дух и всей своею плотью
О смерти помню.

Тебя Р е а л ь н о с т ь, серая вдовица,
Я знал подробно.
Ведь ты — не надо этому дивиться —
Толпе подобна!

ВЧЕРА-И-Я

Та глухота, хоть и мало знакома,—
Извечна:
Вдруг пропадают йот или кома
Из Речи.

*

Ангел трубит... А они: «Гром и дождь...
Услышь-ка!..»
Гроб приоткроешь и вновь упадешь
Под крышку.

*

И не захочешь вскричать: «Эли... Эли!» —
Не стоит.
Парус напрягся, пучины вскипели,
Все стонет.

*

Буря! (А мне неизвестна теория
Ветра-боря!)
Чувствую, как застывает история,
Мраморя.

27 декабря 1860 г.

ДАЙ МНЕ СИНЮЮ ЛЕНТУ...

*

Дай мне синюю ленту — верну, сожалея,
Без промедленья...
Или дай свою тень, ее гибкую шею:
Но что делать с тенью!..

* *

Тень согнется от знака, в котором досада,
Она — без обмана,
Отвою свою руку, ничего мне не надо,
Прекрасная панна...

* * *

Я бывал награжден самим господом богом,
Однако лишь малым:
Каплей дождя и приставшим к окнам
Листочком палым.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ

1

Поколенья проходят,
Зная, где ставить ногу;
Коль поля загородят —
Оставляют дорогу!

2

И эпохи лишь точки,
И отсчет расстоянья,
Но мои дни — отсрочки,
И года — ожиданья.

3

До скончания света
Все известно заранее...
А действительность? Это
Лишь антракт в балагане.

4

Правда ль? Жизнь только тризна,
Юность — день увяданья.
И неужто — отчизна,
Лишь отчизны страданье?

МОЯ ОТЧИЗНА

Моей отчиной звал ты деревца,
Поля с их маками и рожью.
Дуг, хаты... Прав ты, но не до конца:
Они — ее подножье.

Всему свой путь, всему свой час и лик:
Младенец мал, а мальчик по колено,
А отрок вырос и плеча достиг —
Таков закон вселенной.

Моей отчины в тучах голова,
И телом я из-за Евфрата,
Сотворены основы естества
Из хаоса когда-то.

Меня не создал ни один народ,
Зато мне вечность ощутима.
Давидов ключ уста мне отомкнет —
Я сын святого Рима.

Чтоб у отчины кровь стереть со стоп,
Упав, коснусь их волосами.
Но вижу я глаза ее и лоб,
Ее венец с лучами.

Я пращурам своим не изменю,
Которые отчину чтили,
К ее сандалям припаду, к ремню,
Прильну губами к пыли.

Ты говоришь, моя отчизна там,
Где поле с маками и рожью,
Где шрам отчизны, не заживший шрам,—
Нет, это лишь подножье.

Париж, январь 1861 г.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

НА ВОПРОС О ВЕСТЯХ ИЗ ВАРШАВЫ

Ты спросишь: что скажу, когда Варшавы дети,
Надеясь лишь на чудо, поднялись?
Благодаренье богу, что на свете
Оригиналы не перевелись!

Не то я думать стал, что случай — суть природы,
И случай сей зависит от царей,
И что народы — это... огороды,
А люди превратились в писарей.

Что сгинули сыны Давидовой отваги,
Занесшие кулак с куском скалы,
Когда за ними лишь листки бумаги,
А против них граненые стволы.

И коль я не был там, где слезы и сраженья,
И первым пулям грудь не отворил,
Молчу... и сохраняю уваженье
К той колыбели, где растет Ахилл.

Париж, 1861 г.

ВЕЛИЧИЕ

1

Как различать великих? Помогу
На самом деле
Их различать не в прошлом, не в гробу,
А в жизни, в деле.

2

Тот человек воистину велик,
Кто по обету
Умеет миром — без щитов и пик —
Стяжать победу.

3

Став ниже, он унижит хвостовство.
Оно галопом
Летит и, чтоб отречься от него,
Зовет холопом.

4

А зависть лжет, выходит из себя,
Когда в награду
Он славу и бесславье на себя
Берет, как правду.

5

Не похваляйся, что великих знал,—
Ты знал подобье;
Великих различает тот, кто мал,
Но лишь во гробе.

6

Так и медведь — сперва зароет труп,
Отроет позже.
.
Но это ведь в Сибири... впрочем, друг,
В Европе тоже.

В АЛЬБОМ

1

Помимо женщин, съевших мандрагору
В тоске по детям, близких к иступленью,
Помимо Данта, кроме Пифагора,
И я был в Лимбе... помню, к сожаленью!

2

В порядке подтвержденья или моды
Томов двенадцать мог бы выдать кряду...
Устал! Махну куда-нибудь на воды;
Довольно я постранствовал по Аду!

3

Предпочитаю мыкаться в коляске,
Вращать глазами, клацая зубами,
В е к а , э п о х и смешивая в тряске
В мозгу, как в чаше ягоды с грибами,—

4

Быть здесь и там, сегодня, но и после,
Как ниже — выше — явствует из текста,
А не вращаться в мертвой точке вовсе
И не забыть, что посетил то место...

5

Как было там? Встречался ли с родными
И с ближними? Что делал там так долго?
Там ближних нет, лишь о п ы т ы над ними,
Над сердцем человеческим — и только.

6

Там чувств не видно. Только их пружины,
Взаимосвязью одержимы мнимой,
Подобие бессмысленной машины,
Инерцией в движенье приводимой.

7

Там ц е л е й нет. Там введена в систему
Бесцельность. Нет и Времени. В коросте
Там циферблаты без цифири в стену
Тупые заколачивают гвозди.

8

Но не событий считыватель точных,
А неизбежности колючий поготь,
Переводящий стрелки их, источник
Их стрекота и дребезга, должно быть.

9

Что в битве стрелок с Вечностью потеря
Есть большая: мгновение ли, год ли?
Самим себе и времени не веря,
Одна другой оказываясь подле,

10

Не в колокол свиданья, но разлуки
 Звонят они, стать выше возомнивши
 Иронии, пульсирующей в звуке:
 Хоть век звони, не по себе звонишь ты.

11

И вечный этот двигатель бесцельный —
 Трагедия без текста и актера,
 Отчаянья и скуки беспредельной
 Мелодия, взыскующая хора.

12

Он сотрясает судорогой чрево,
 Как океан, когда в нем первый раз мы.
 Но это спазмы ярости и гнева,
 Непониманья их причины спазмы.

13

Вот и с п ы т а н ь е подлинное. То есть,
 С собой владея иль трясясь от дрожи,
 Ты здесь осознаешь, чего ты стоишь,
 И что ты есть в действительности — тоже.

14

Пристали ль имена тебе и клички,
 Что выдумало время — или предок,
 И что в тебе от моды, от привычки,
 И что — т в о е, ты видишь напоследок.

15

Как древо просмоленное, пылаем
 Ты весь охвачен там, но не уверен
 В с в о б о д е, порождаемой сгораньем:
 Не будешь ли ты по ветру развеян?

16

Останется ли хаос лишь и масса
 Пустой золы? Иль результат конечный:
 Под грудой пепла — зернышко алмаза,
 Залог твоей победы вековой!..

17

А впрочем — хватит. Разрешенье споров,
 Что был там, нахожу невыносимым.
 Качу н а в о д ы! Обалдел от сборов,
 И описание Ада не по силам.

18

Да, право же, довольно! В седла вскочим.
 Попутчик мой — верзила конопатый,
 Не смыслит ни в истории, ни в прочем,
 Как с т а т у я молчит, и сам — как с т а т у й.

19

По шляху, распростершемуся, мнится,
 Меж странами и временем припустим.
 Пр о с т р а н с т в о там покажется... г р а н и ц е й,
 А небосвод наш — пыльным захолустьем...

ПОЛЬКА

Есть слова и звуки...

I

Венок был приготовлен для арфистов,
Один победный лавр для двух певцов.
Судить о взлете песен, как о птицах,
Народ собрался с четырех концов.

Красотки, старцы, мужики, дворяне,
Князя в тени щитов и алебард
Затихли — воспевалась в состязанье
Краса Полячки. Начал первый бард.

II

Первый арфист

«Нет, ты не зря заботишься, Природа,
О совершенстве созданных вещей.
Фиалки, что нежнее небосвода,
Бледнеют робко близ ее очей.

С их блеском звезды лишь могли б сравниться,
Но меркнут, ибо не роняют слез;
И васильки бы спрятались в пшенице,
Когда бы им равняться довелось.

Ее ланиты — молоко с малиной,
Или еще прекрасней и нежней;
И грудь ее — как свет луны певинной;
Волна волос пленительна у ней.

Когда бы свежим перлам и кораллам
Уста я уподобить пожелал,
Сребристый жемчуг мутным стал опалом,
Ее дыханье обожгло б коралл.

И даже сотворив рукою властной
Прелестнейшее детище свое,
Во всей своей гармонии прекрасной,
П р и р о д а — не достигла б ты ее!»

III

Так он окончил, и толпы волненье
Ему вручило длиною рукою
Цветущий лавр — за песнь и вдохновенье;
И вслед за ним во круг вошел другой,
Он арфу волочил в оцепененье,
Иль в этот день томил его недуг.
Затихли все — и начал он не вдруг.

IV

Второй арфист

«Там, где пройдет неслышною стопою,
Не обернутся люди в изумленье,
А так же будут заняты собою.

Но вдруг, прозрев в какое-то мгновенье,
Почувствуют, что больше стало света,
Что их глаза наполнила краса.
А это, словно небо в час рассвета,
Блестит ее коса.

Какого цвета волосы? — не важно,
А очи? — цвета их не назову,
И если я писал о том отважно,
Найду и разорву!

Но с головы до ног любая складка
Подчеркивает самый главный жест.
Не в этом ли гармонии разгадка
У дремлющих божеств?

Бела ль она лицом? И станом гибка?
С кораллом рот не ищет ли родства?
Грустна пифагорейская улыбка,
Пока молчат уста!

Ее чело сродни челу Платона,
С чертой страдания ее наклон
И взгляд, в котором свет Пигмалиона,
По-детски удивлен.

И римлянка и вождь она по стати,
И величава, как псалом и гимн,
Она — Мария в новой ипостаси —
Предшествует другим.

Виктория босая с лавром гордым,
Она — видение победных дней
И — взлет к высотам солнечным и горным
Мифических коней.

Но если бросить пышные сравненья,
Она как пальма, что дарует тень,
Как пальма, что дает успокоенье,
Не похваляясь тем.

Есть жемчуга в устах ее? — не знаю,
И цвет лица похож ли на коралл?..
Пусты слова — на этом песнь кончаю...
Не знаю, много ль я сказал...»

V

Тут он умолк — ведь первый тот певец,
Которому за славное бряцанье
Подарен был единственный венец,
Толпой несомый под рукоплесканья,
Был вознесен над тысячью сердец
И удалялся в шуме и блистанье;
Шли старцы, девы, под победный звон
Шли войны...

И скрылись в гул времен.

POST SCRIPTUM

Не только б у д у щ е е вечно! Несомненно,
Что и бывшее тоже вечно длится,
Все, что случилось, не уйдет мгновенно,
Пусть не собой,— идеей возвратится.

И вечность в этой прошлой половине
Закрывать-открывать пытаемся мы с вами,
Но только, классики, вы знаете ли ныне,
К чему с какими приступать ключами?

Из трагик античной вами взята
Лишь видимость, а от трибунов — жесты.
Ведь это словно на могиле брата
Сбирать гербарий! Отыскали место!

Пришпиливать таблички на латыни
К кустам, оплакивающим скорбь кончины!
Нет! Пусть уж тополь скорбно блещет ныне
Над вами, безымянные руины,
И в склеп спускаться лучше со свечами
Сереброслезными, чем с вашими речами.

ОТВЕТ НА ВОПРОС: ПОЧЕМУ Я
В КОНФЕДЕРАТКЕ?

(Люции Раутенштраух)

1

Уходит Эра старого оружия
В глубины века;
Не человек куется для оружия,
Оно — для человека.

2

Зато и рыцарь — не любая сила,
Что бьет с разбега,
Полковник — не атлет и не громила,
Скорей — калека.

3

Я на себя надел цветок червонный —
Конфедератку,
Такую Пяст когда-то под короной
Носил подкладку.

4

И мне не важно, что уже забыли
О славном прошлом,
Что опозорили и заносили!..
Презренье пошлым!..

5

Я всем венцам убор из агнца свиты й
Предпочитаю,
И драгоценность Речи Посполитой
В нем почитаю!

ВРАГУ

(Песнь)

1

Ты, истины лучи принявший за кинжалы,
Помедли — раб! — и пороха не трать!
Нет, не годишься ты в вожди и генералы!..
Доколе за тебя я буду умирать?

2

Неужто учат каждой мысли здравой
Тебя посредством только страшных драм?
Патриотизму — улицы Варшавы,
А Христианству — разоренный храм?!

3

Неужто пичего в себе не зачиная,
Ты лишь других умеешь обирать!
Взываю: отступи, о глыба ледяная:
Доколе под тобой я буду умирать!..

4

Тебя учили солдафоны, остолопы
Своим пророкам замыкать уста.
Как нами помыкать вы смеете, холопы,
Не видя в небе божьего перста!..

5

Пусть иней стает с век, как весть о старом чуде;
Пусть разневолится та черная гора;
Оружие к ноге!.. Враги!.. И все, кто люди —
На вилы глыбу льда... и слава!.. и ура!..

1863 г.

ЗНАМЕНИТОЙ РУССКОЙ ТАНЦОВЩИЦЕ —
НЕИЗВЕСТНОЙ МОНАХИНЕ

I

Глянь, глянь! Слетела ласточкой проворной
На сцены навощённой лоск озерный.
Стопа в пространстве бледном воспаряет,
И в небесах следов не оставляет.
Склоняется, как бы собирая росы,
Иль сердцем розам отирает слезы.

II

Плавней и слаще лишь волна сникает,
И лишь опал молитвенный слетает
К любви-средоточью, что зовется
Христос, покуда с нею не сольется.

III

Тебе, тебе... Чье в глубь проникновенье
Уже не восхваляют песнопенья,
Лишь я, сын Польши, свой венец кидаю
И светлую слезу я посылаю
К незнающей, к кому летит она —
К твоим ногам, российская жена!

Париж, 1865 г.

VADE-MECUM

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

(Общие места)

1

Своей весною пьет всечасно
Дыханье жизни дух Поэта,
И возглашает только это:
«Земля кругла — шаробразна!»

2

Но лишь окончится цветенье
И отшумит дождями осень,
Необходимо добавленья:
«Она приплюснута вдоль оси...»

3

Но выше ваших оболещений,
Поэзия и Красноречье,
Одно — в том высота речений:
· · · · ·
Дать в слове точный образ вещи!

* * *

Ладони натрудив рукоплесканьем,
Устав от песен, люди ждали дел.
Дородный лавр задумчиво шумел,
Подставив ветви грозovým сверканьям.
На родине у нас лишь лавр и мрак,
И не было ни места, ни мгновенья
Для моего неожиданного рожденья,
Когда я вдруг увидел божий знак:
Не зная о началах и причине,
Мне жить велел он в жизненной пустыне!

•

Поэтому — о лавры! — я не взял
Ни зубчика из кроны остролистой,
Один лишь, может, нимб из тени мглистой
(Он солнцу, а не вам принадлежал...)
Не взял я ничего, кроме дорог
Под слоем пыли, мха или полыни,
Земли проклятой и глухой пустыни...
И вот бреду, как прежде, одинок.

•

Встречал я тех, кто к прошлым временам
Обращены с любовью без понятий!
Цеплялись шпоры ржавые к ногам,
Везде валялись пули древних ратей.

Я сокрушал Обычай, чей оскал
Являлся мне не раз, как наважденье,
От света он убежища искал,
Длил сон, чтобы отсрочить пробужденье.

Я видел женщин, что усыплены
Дурманом мертвых формул — было грустно,
Что прелестями многими они
В моей душе не пробуждали чувства.
Касался я окаменевших рук,
И складок платья твердых, как колонна,
Ночная бабочка затрепетала вдруг
Над головой... и удалились сонно...

И равнодушие овладело мной,
И безразличен к ним, прошел я мимо,
Стал, как они, любезно-и к а к о й.
И счастье для меня недостижимо!
— Зачем имел я столько встреч без цели
И проводов на фоминой неделе? —
На сердце ничего, кроме одежд —
И что сказать им: п а л а ч и надежд!

Пишу! — да, иногда в Ерусалим,
Но через Вавилон доходят письма,
И где я прав и где пересолил,
Не важно мне... пишу дневник артиста.
Безумный, говорю с собой самим,
И слог коряв! — но все же к правде близко!

.

Пускай в писаньях то дойдет до внука,
Что могут сыновья не замечать,
Когда повсюду верховодит буква
И управляет божество-печать.
И так, как это с ним бывало в Риме,
Где глуби катакомб под мостовой,
А солнце яркое над головой
И явь настойчивая в заблужденье,
Так вновь о н перечтет мое творенье,
Хотя уже не будет нас с тобой.

ПРОШЛОЕ

1

Смерть, муки, прошлое — не господь создание,
А дело сатаны,
Что ненавидит дни
И, зло предчувствуя, казнит воспоминанья.

2

Но он же не дитя, сидящее в тележке,
Что молвит: «Вон дубок...
Он убежал в лесок!..»
А между тем возок минует перелески.

3

Прошедшее — оно сейчас, но чуть подале.
Вон, рядом эта весь,
А вовсе не бог весть
Где — там, где никогда и люди не бывали!..

ГАРМОНИЯ

1

Игра на нервах, общность настроенья,
Восторги, взлет идей —
Бесспорно могут сплачивать людей:
Но общность совести рождается в боренье!

2

Скорее человек среди противоречий
С собой войдет в разлад
И будет им разъят,
Чем той гармонии дождется человечьей.

3

Уж лучше наблюдать в своем уединеньи
Гармонию планет
Чредою долгих лет,
Чем что прочесть в глазах? — сердце
разъединенье!..

В ВЕРОНЕ

1

Над кровом Капулетти и Монтекки
Гроза низвергла громовые реки.
И вдумчивое око тишины

2

Взирает на враждующие грады,
На древний сад, на ветхие ограды,
Звезду роняя с вышины.

3

И молвит кипарис, что для Джульетты
И для Ромео — дальние планеты
Роняют слезы с голубых высот.

4

А у людей бытует утвержденье,
Что это все не слезы, а каменья,
А этих слез никто уже не ждет.

ЛИРИКА И ПЕЧАТЬ

1

Ты твердишь: «Слагая любовный стих...»
Так ли оно, притворщик?
А где струнный трепет в пальцах твоих!
Ты не поэт — наборщик!

2

Думаешь — второстепенна лира,
Взял и аккомпанируй!
Песня, подобно орлу, двукрыла,
Кровь нераздельна с лирой!..

3

Зачем тебе лира, когда есть тема!..
Но дух нужен для духа,
И мысль для мысли,— а здесь лишь тело;
Мертвенно все и глухо...

4

Доверенный грош возвратит барышник,
Но не протянет руку,
Чтобы вернуть тебе радость. Излишне
Верить такому другу.

5

Пусть речи жар и смысл изначальный
При свете совести верном
Поставлены будут в ряд музыкальный
Словами, подобными перлам!

6

Узнаю тогда по дрожанью эфира,
По жесту руки бесшумной,
Что есть иная, незримая лира
С тончайшей музыкой струнной.

ТЕМНОТА

1

Ты мне пеняешь на неясность речи.
А с а м и свечку не зажжешь небось!
Тебе лакей всегда приносит свечи?
Гляди-ка!.. Я познал тебя насквозь.

2

Когда зажжешь фитиль, плавление воска
Сольется в жидкий шарик. И огня
В нем утопает слабенькая блестка,
Почти что гаснет — тускла и бледна.

3

Ты думаешь, что малого размера
Огонь угаснет — воск его зальет..
И здесь нужна не искра — но и вера..
Поверил?.. Глянь! Горит и свет дает!..

4

Так и мои слова, о человек!
И не жалея для них минуты жалкой,
Они, сперва согрев холодный век,
Огонь поднимут жертвенный и жаркий...

ЧИНОВНИКИ

1

Чиновники! — о! — этих лиц
Встречая более, чем нужно.
Не помню, чем украшен виц,
И в чем, и для чего их служба.

2

Переменились времена,
Оружье войн, строи, одежды,
Мечты народов, знаменá —
Они ж чиновники, как прежде.

3

Взметнулось море соляным
Столпом, бушует вихрь в пучине,
Трубит свободы судный гимн.
Ну а они?.. Все в том же чине!

4

Песчаной Африки пустей
Стал край, который был зеленым.
Мундиров нет и крепостей...
А те?.. Чинуши с пенсионом.

ПИЛИГРИМ

1

Меж сословий высший есть разряд,
Словно башня между хижин —
Поднебесная громада...

2

Я не пан,— так часто говорят,—
Потому лишь, что мой дом подвижен,
Как шатер номада...

3

Но мой дух превыше пирамид
Вознесен под купол голубой
Высотой паренья!

4

И покуда он мой путь прямит,
Та земля, что под моей стопой
Вся— мое владенье!..

ВИДЕНИЕ

1

Убогие тени мелькают
По Лондону в мгlistую полночь,
И в белом тумане тают,
Но ты лишь эту запомнишь.

2

И что там? Грязь или тернии
На лбу этой страшной тени...
И к небу ль шелчет моление
Иль губы в безбожной пене?

3

Ты скажешь: то книга Библии
Бредет, погрязая в пути,
И ее не спасут от гибели —
Безгрешность здесь не в чести.

4

А в бельмах ее — отчаянье,
Мольба, д е н ь г а и беда.
Откуда идет?.. Не знаем мы.
Куда идет!.. В н и к у д а!

5

Мы, полные слез и иронии,
Походим на эту каргу,
Мы знаем лишь к р о в ь в истории
И в обществе лишь д е н ь г у!

СОСТРАДАНИЕ

Они платком вам слезы осушают,
Кровь потечет — к вам с губкой поспедают,
Но если страдает дух, сочась слезою,
Придут ли те, что врачевали плоть,
Пока дух страждущий сверкающей грозой
Не освежит господь.

ДЕРЕВНЯ

I

Деревня, в атласе яблоневого цвета,
В наряде венчальном.
Под месяцем зеркальным
Мечтает в сторонке где-то
О заўтре туманном,
О негданном-нежданном!..

II

Твое прошлое?.. — это вчера;
А грядущее?.. Кто знает какое!
Для всего у тебя своя пора:
Ты королева покоя!..

III

Ты везде у себя — с разумом чистым:
И в жарком краю, где зреют оливы,
В березовой зелени, в золоте мшистом,
Прекрасна, как духи роши и нивы.
Тебе помогает извечный труд,
Как стадо заплутавшейся телке,
Ведь гонит к тебе пастушеский кнут
Недальновидные толпы...

IV

Но вот молчаливо приходит беда...
Где-то нагорье льда накопило,
Сто очагов погасила вода,
И разлилась и сады затопила.
Грязные волны кидают гробы
Через ограду погоста,
Кверху корнями всплывают дубы...
И тишина страшнее раз во сто.

V

Но думают разве о горных льдах
Те, кто протирают окошки?
Скорее — о ягодах, о цветах
И о грибах в лукошке.
.
Ах!.. Неужели о Чистом Чувстве
Можно мечтать лишь на лоне природы?
Когда перестанут терзать за холустье
Всечеловеческие невзгоды?!

СТОЛИЦА

1

О улица, улица...
Града, над коим крест;
Как зрачки у kota-мышелова.
Твои окна светят окрест.

2

Толпы в черном (как стойки), в траурном платье
Спешат равнодушно,
И такие вокруг толкотня и проклятья,
Что становится душно.

3

И два жеста в разнообразных движениях:
Фабрикантов с надрывом хватающих что-то,
И победный — есть, мол, толика денег
И работа.

4

Две конвульсии, два явления:
Впрок закупленного неба,
Или фабричного иступленья
Из-за куска хлеба.

5

Идет араб, среди хмурой злости
Осанкой жреца выделяясь сразу,
Белый, как выточенный из кости:
Есть на чем отдохнуть г л а з у!

6

Похоронный кортеж медлен, торжествен,
Течет в предместье.
Пойду за ним. Отдохну ж е с т о м
И г л а з а м и вместе.

7

Или, не глядя на ближних лица,
Мыслями воспарю от сих мест:
В синем небе — шар, словно птица,
А в облаках?.. — к р е с т!

ОСОБЕННОСТИ

1

Как плох сей мир! Но отчего
Он не подобен раю?
— Послушай — д в у х людей я знаю,
Из них бы сделать о д н о г о!

2

Один наследство промотал,
Пил кстати и некстати,
Мерзавца сделал из дитяти,
Но д и в н ы м с е р д ц е м о б л а д а л!

3

А о втором идет молва,
Что прожил жизнь скотиной,
Но глас о нем твердит единый:
«К а к а я э т о г о л о в а!»

4

Наш мир Эдемом мог бы стать!
Когда бы сердце с головою
Соединить в одно живое.
Да где бы гóловы достать!

СИРОТСТВО

Я слышу, что прогресса достиженья
Нас делают богаче век от века.
Добро! Но в этом мне, простому человеку,
Нет утешенья.

2

Цивилизация! Их вижу две я:
Одна открытыя славные пророчит,
Другая же в нарядную ливрею
Одеть все хочет.

3

Та, открывательница, к солнцу мчится
И поколениям вещает: — Ждите,
Кой-чем смогу и с вами поделиться,
Свершив открытыя.

4

А прикрывательница? Та иначе
Нас утешает. Видя слезы жгучи,
Она вещает: — Вздор все ваши плачи,
Как дождь из тучи!

5

Двух опекунш таких благодаря урокам
Погрыз бы род людской в сиротском состоянье,
Не будь ему земля объятъем доброй няни,
А солнце ее оком.

ПОЧЕМУ Я НЕ В ХОРЕ?

1

У яслей, возле Б о г а,
Избранники поют;
Безгласен у порога
Запыхавшийся люд...

2

И видит, оглядевшись,
Посреди села,
Что здесь сейчас м л а д е н ц е в
Р е з н я произошла!

3

Так пой же, о избранник,
У яслей, там, где Бог;
А мне весь слух изранил
Разбойный рог...

4

Со святостью во взоре
И пой, и славословь,
А я не в вашем хоре —
Я видел к р о в ь!..

МИСТИЦИЗМ

1

Мистик? Заблуждающийся просто!
Значит, м и с т и ц и з м а вовсе нет?
Он — сентиментальное юродство,
Сон, покуда брезжится рассвет.

2

Ну а горец — в облаках Монблана
Заплутавшийся меж круч,
Признает существованье туч
.
Каждый раз бродя среди тумана?

РОК

1

Как дикий зверь Беда идет,
Глядит фатальным взором из-под век..
Ждет —
Не отступится ли человек?

2

А он глаза прищурил, как ваятель,
Что зорко вглядывается в лицо модели;
И думает: чем может неприятель
Сгодится для его особой цели..
И, трепеща всей тяжестью, Беда
Пропала без следа!

ИРОНИЯ

1

О, ежели из грубой глыбы
Искусства высший образец
Ваятели тесать могли бы,
Чтобы не скрежетал резец!..

2

О, если самый дух гармонии
Вращал бы колесницы ось
И без скрипучести иронии
Создать бы что-то удалось...

3

Ах! как бы спали человеки,
На миг удовлетворены!
Увы! Слетают к нам навеки
Лишь иронические сны!!

4

Путь наших чувств—чужим страданьем
В мощенная колея..
И знает тот, кто шел там ранее:
Ирония — тень бытия.

Ты полагаешь, что мечта
Способна победить без бою —
Ее готовит доблесть та,
Что не боится быть смешною!..

ДВЕ СИБИРИ

1

Вдали истории, за ледяным порогом
Жить — ваш удел;
Там свод небесный стонет перед богом:
«З а л е д е н е л!»

2

Вернетесь ли? Воротят ли кого-то
Из муки, чтоб
Попасть в Сибирь другую: денег, пота,
Где вольным — гроб!

3

Или терпеть неволи не умея,
Двойной тот круг
Отбросит вдруг, как старую ливрею,
Пан Светлый... Дух!

.....

РАЗОЧАРОВАНИЯ

1

Скот поедает цвет и завязь,
Не ведая, что губит плод.
— Разочарованно терзаясь,
Не жалуетесь вы на скот!..

2

Что ж, обольщенья в нас исконны:
Мы любим больше получать,
Чем получили бы законно,
Чем нам могли пообещать!

3

Цените полуобещанье,
Великодушия цветок,
Тогда и разочарованье
В полученном пойдет вам впрок!

4

И тот ли истинный садовник,
Кто резво посрывал цветы
И проклял сад, хоть сам виновник
Его осенней нищеты?

Пускай он отказал в даянье,
Не звал на пир — он все же мот:
Ведь Яблоня Благоеянья,
Утратив цвет, не даст и плод!

РОДНОЙ ЯЗЫК

«Сначала молния, а после гром!
Вот слышен топ коней, и ржание, и звон,
Да здравствуют дела!.. А речь? А мысль?..

Потом!

Язык родной земли врагами осквернен!»
Так Лирнику кричал Вояка сгоряча
И в щит свой ударял в самозабвенье.
А тот:

«Не острие меча
Спасет язык, но — дивные творенья!»

БОГИ И ЧЕЛОВЕК

1

Все авторы сравнились с богом вдруг,
Едва дохнут — шедевр, восторги, слава,
Как на крылах, вознесся тяжкий плуг.
Стал труд, как легкая забава.

2

Лавр не от солнца образует тень,
Любой ветришко с ним запанибрата.
И славы двадцать лет за краткий день,
День счастья — жалует на брата.

3

Но слышится с Вергильевых высот
Песнь человеческого вдохновенья...
Он! Двадцать лет труда — за годом год —
Он отдал ради дня творенья.

ЗРЕЛЫЕ ЛАВРЫ

1

Как пролагают путь к потомкам?
Своим усилием — борьбой;
Во Храме вечности высоком
Не сам ты выберешь покой.

2

И дверь не выбирают сами,
А входят в ту, что отперта...
Что в жизни числилось к р ы л а м и,
То для истории — п я т а!..

3

А дней хвастливое бряцанье
Не принимай за трубный глас —
То стук шаров в г о л о с о в а н ь е —
Их тишина сочтет за нас.

ВЕЛИКИЕ СЛОВА

1

И вы узнать хотите без корысти
Ту тайну, что, конечно, не нова!
Где истлевает рукопись, как листья,
Но оставляет вечные слова?

2

Где?.. Общий край у этих исполинов,
Для всех людей одни истоки там,
Он бесконечен, ведь в его долинах
Та родина, где процветал Адам.

3

Там круг великих слов... Не раз, оперясь,
Перелетят века, как сферу мгли,
И поразят скорей, чем им поверишь,
Тебя обломком дедовской стрелы.

4

И древний голос сызнава раздастся,
И ты над грудой незрелых книг,
Услышав вещий гром, готов поклясться,
Что это мысль твоя и твой язык!

5

О, только ли об этом вы спросили,
 О, только ли о тайне этих книг —
 Вы, бабочки, могильный знак сокрылий
 Спешащие обжечь о мой ночник?

6

Иль знать хотите про другие вещи:
 Как Павел, Цицерон или Сократ...
 Живут доньше, слово произнесши...
 И ты им веришь, рад или не рад!

7

Твои же с золотым обрезом книги,
 И дневнички, в которых дребедень,
 Нудежь и электрические вскрики —
 Излишни, словно свечка в ясный день.

8

Ты верещишь: «С е г о д н я!» — а корона
 Твоя в руках, которые мертвей,
 Чем ветвь, что, уцепив Авессалома,
 Ему скрипела мертвому: «П и г м е й!»

К ЧЕМУ

Зря отречься, проклинать тревогу,
Хулить свое упорство — потому,
Что все равно придешь к ее порогу
В тревоге не застать ее — к ч е м у?..

*

Сам навредишь себе единым словом,
Хотя его не скажешь никому.
В разлуке с ней — поспоришь с ней, и снова
Придешь, боясь, что нет ее... к ч е м у?

*

Беда! И в довершение к сему
Придут другие — этих пригласили —
И не дадутдохнуть... к чему? к чему?
Счастливые! Весь дом заполнили,
Их лица ясны мыслям в унисон,
Их полон дом — их целый легион.

*

Ты думал переждать? Куда там!.. Их
Осталось двое. Первый из двоих
Вернулся вдруг с бессмысленным вопросом,
Который нужно выяснить ему:
Кладет небрежно шляпу перед носом,
Перчатки снова снял... к чему? к чему?

*

Пройдут минуты, ты поймешь, что лишний,
Что лучше у д а л и т ь с я самому;
Ты встал и ты откланялся; всевышний! —
Поднялся, встал, ушел — скажи — к ч е м у?

*

А в небе будет месяц онемелый,
И звезды равнодушные в тиши
Посмотрят, словно глаз остекленелый,
Как будто в небе нет живой души;
И сколько муки во вселенной целой,
Непостижимо Высшему уму!
И кто воскликнет: «Господи, к ч е м у?»

ПУСТЯКИ

Я думал: пусть лебеди — Л и р а и С т и л ь,
Забыв про пути-перепутья,
Плывут с а м о щ е л ь н о среди водных пустынь,
Но все же они — о р у д ь я.

*

Я думал: когда слова леденит,
Когда народ лишен бытия,
Пророк ключом отворит зенит,
И свежего воздуха хлынет струя.

*

Я думал: что знает любая струна,
О чем и где зазвенеть должна,
Что струнный бальзам бескорыстен,
И действует так в действительности,
Что нету у нас з а п о з д а л ы х и с т и н,
Последствий нашей чувствительности.

*

Я думал! Столько пророков-поэтов,
Сколько ран и шрамов у воина,
Но посредством ма г и и ф о р м и м о м е н т о в
Своевременных — боль успокоена.

•

Ох! Я заблуждался! Я сам был хворый:
У лиры призыванье иное —
Она для правды является ш т о р о й,
Прикрывшей окно дневное;
Там, освещенные на полотне,
Малахиты и лалы юга,
Но земля за окном и земля в окне
Отделены друг от друга.

•

Они грезят: «Что стёкла! — ведь это гладко!»
Они напевают в ушко:
«Фантазия — это прекрасно и сладко!..»
...безделушка... безделушка!!

НЕРВЫ

Был я там, где мрут от истощенья,
В гробовые склепы заглянул;
Где-то в полутемном помещенье
Ногу на ступеньке подвернул.

Чудом ухватиться удалось
За прогнувшийся брус, что чуть держался.
(В нем торчал огромный гвоздь,
Как в кресте!) И так я жив остался.

Полдуши во мне! Большим восторгам
В сердце места нет.
Шел через толпу, как скотским торгом;
Опротивел свет.

А сегодня в гости к баронессе
Я отправлюсь — так меня звала!
Перед ней расположившись в кресле —
Что ж! — скажу ей...

...Треснут зеркала,
Упадут скандалы: р е а л и з м!

И, хозяйку нежную пугая,
Размалеванные попугаи
С потолка вскричат: «С о ц и а л и з м!»

*

Потому я сяду перед нею
И визит закончу, чуть начав.
И уйду, подобно фарисею,
Промолчав.

ФОРТЕПИАНО ШОПЕНА

Антонию Ч...

Музыка — вещь удивительная!

Байрон

Искусство? — это искусство, вот и все.

Беранже

I

Я был у тебя в предпоследние дни
Недостижимого нити тончанья —
— Полней, чем преданье,
Бледней, чем светанье...
— И тихо рождению шепчет скончанье:
«Тебя не прерву я — нет! — повремени!»

II

Я был у тебя в предпоследние дни,
Когда стал подобен — мгновенье, мгновенье! —
Той лире, которую бросил Орфей,
Где песнь ратоборствует с силой паденья,
И струны — четыре — с невнятиостью всей,
Столкнувшись,
Попарно-попарно
Звонят угасая:
«Не начал ли он
Отыскивать тон?
А может, он тот, кто играет...
бросая?»

III

Я был у тебя в эти дни, Фредерик!
И руки твои — с белизною скульптуры —
Восторг и захват, вдохновенье и шик,
И это касанье, как перья, сквозное,—
Мешались в глазах с костяной белизною
Клавиатуры...
Ты словно возник
Из мраморной глыбы,
Но незавершенно,
Как будто бы лона
Не тронул
Резец
Гения — вечного Пигмалиона.

IV

В том, что играл, что звучало и будет звучать еще
лучше,
Преображенное эхом, иное,
Чем в этот день, когда белой рукою
Благословлял ты созвучья,—
В том, что играл ты, был тон
И совершенство Перикла,
Словно невинность античных времен
В домике сельском возникла,
И прошептала, чуть дверь отворилась:
«Я в небесах возродилась.
Вот уже арфою стали врата,
Лентой — дорога,
Пробсфорой колос пророс на
просторе,
Это уже разверзает уста
Эммануил на Фаворе!»

V

И была в этом Польша сиянья
 Радуг восторга, взнесенных
 Ко всесовершенству деянья —
 Польша колесников преображенных!
 Это была
 Злато-пчела!..
 (Я это слышал на грани сознанья!..)

VI

И вот — уже кончилась песнь — о, как скоро! —
 И не вижу тебя — ты уже не играешь —
 Слышу только — подобие детского спора —
 Нет — еще препирательство клавиш,
 Не уставших звучать,
 Когда песнь прерывают —
 По восьми и по пять:
 «Начал ли он играть? Или нас
 отвергает?»

VII

О ты,— которое — профиль Любви,
 Дополнение, сверх-содержанье,
 Стил ь — именуешься ты меж людьми,
 Ибо песнь образуеть, и в камне становишься
 гранью...
 Ты — в истории — Эра, когда ее круг
 На подъеме взмывает до звезд,
 Ты прозываешься Буква и Дух
 И «CONSUMMATUM EST»...
 О ты — совершенное сверх-проявление,
 И где и каков он твой знак?
 В ком он? В Фидии? Или в Шопене?
 В Эсхиловой сцене?

Не хватает тебя!.. И всегда это так!
И такая нехватка на мире — пятно:
Д о п о л н е н и е?.. Страждет!
И н а ч а т ь оно жаждет,
И залог зачиинанья желает оставить оно!
Колос?.. Он вызрел кометой златой.
Он под ветрами склонился покорно.
Тронь — и посыплются зерна,
И само совершенство посеет их щедрой рукой.

VIII

Погляди, Фредерик. Вон Варшава.
Видишь — над нею пылает звезда
Ярко, кроваво.
Видишь — костел и оргán? Образ родного
гнезда.

Зданья, как будто преданья живые,
Древние, как П о с п о л и т а я Р е ч ь.
Площади глухи, темны мостовые,
В облаке Зыгмунтов меч.

IX

Глянь — по проулкам рядами
Скачут кавказские кони,
Ласточками над водами
Вьются перед полками —
С о т н я м и, с о т н я м и...
Зданье в огне.
Выбилось пламя и вспыхнуло рядом.
Глянь: подгоняют к стене,
Траурных вдов подгоняют прикладом...
В месиве дыма, огня и тумана
Через колонны балкона,
Как катафалк похоронный,
Рухнуло... рухнуло... ф о р т е п и а н о...

Х

То... что прославило Польшу сиянья
Радуг восторга, взнесенных
Ко всесовершенству деанья,
Польшу колесников преображенных —
Рухнуло вдруг и лежит без дыханья.
Вот она — светлая мысль человека,
Та, что растерзана злобой людскою...
Так оно было от века
С тем, кто лишает сна и покоя.
Вот, словно тело Орфея
Фурий терзает семья,
Воют: — Не я! — сатаня,
Каждая воет: — Не я!

— Кто же? Не ты ли?.. Не я ли?
«Внук, веселись! — судным гласом поем мы
с тобой...
Камни глухие и те застонали:
Идеал коснулся мостовой!» — —

ПОСВЯЩЕНИЕ

Сперва в стекле, в смарагд обрамленном,
Сверкнув, луч солнца неуверенно
На лике Аталанты мраморном
На сто частей распался веером,
Потом плющом и вазой занялся,
А после, вспыхнув без стеснения
На бархатных морщинах занавеса,
Упал на золото тиснения
Застегнутой на пряжку книги...

Как девы, в гроб сойдя невинными,
О дальнем грезящие миге,
Когда Господь, воззвав по имени,
Восстать им даст, она лежала,
С восточной пышностью залита
Лучом, средь золотого жара —
Готической иконы зарева
Подобья, с образом Пресветлым
Над пляской солнца в прахе смертном...

Я знал: С т и х и, творенье гения,
Та пышная хранит оправа,
И я подумал в то мгновение:
«Пусть в блеске опочит их слава!
Зачем мешать. Влезать кощунственно
Под переплет. Там те же самые
Цветы и ленты снят бесчувственно...
И та же полуправда... в саване».

Прими ж, Варшава, днесь поэтому
В дар книгу менее злаченую.
Окровавленных пальцев метою
Укрась ее обложку черную.
Не дева — Мать! — твой герб сиреною
Увенчан. Океан великий
Пересекал я, слыша пение
Ее, и не забыл я лик твой!..

Пусть партенопы златовласые,
А также nereиды милые —
Пусть пенят р и ф м ы сладкогласные,
Сбирают раковины, лилии
К стопам своим с веселым гомоном,
Бренча с беспечностью невольной
Над правды общей скорбным голосом
Фиалок звонкой колокольней,—

К иному слух склоняет женщина —
М а т ь, чье чело снопами повито
И Польши злаками увенчано;
Лишь для нее мной лира поднята!
Познавши б о л ь и р а д о с т ь, горнего
Подобье Иерусалима,
Ты не презришь напева горького,
А сладостный — пропустишь мимо.

Прими ж! И с мостовой базальтовой
Дай камешек, чтоб мог молиться,
Ни кровью, ни слезой не залитый,
О, юности моей Столица!

ПЕСНЬ ТИРТЕЯ

Что же так робок звук их напева?
Текст у них, право, не новый.
Лютни зачем их из хрупкого древа,
А не из кости слоновой?
Что ж это сердце над хрупкостью плачет,
Болью пронзенное острой,
Будто царица-изгнанница прячет
Гордость под пошлостью пестрой?..

С правдой небесной в пере поднадзорном,
Сокол, разбуженный ранним
Солнцем— Поэт почему не разорван
Львами... но к быдлу приравнен?

Адские тени со струн отрясая,
Как же Орфеева лира,
Слов не терзая, но души пронзая,
Звуки прекрасные лила?

Не распиная он прекрасную Оду,
Армии фурий несметной,
Деву его охранявшей в угоду —
Смертный, пошедший за смертной...
.....
Ставя на пепел Эреба столь гордо
Ногу в злаченом котурне,
Форму стопой придавая нетвердой,
Свежей податливой урне,

Смело в Аида глядящий угодя,
В платье пурпурной окраски
Торс обернувши (в гнилые лохмотья!),
Царь! Что лепечешь по-рабски?

Кедры в бесплодном рождаются чресле,
В люльке гигантов — в пустыне.
Ждите поэта великого, если
Нет у великих в помине.

Слово из звука и слово из духа
Жаждет к скрижалям привиться.
Лишь песнопевец доводит до слуха
Общего шепот провидца.

К СОВРЕМЕННОКАМ

(О д а)

I

И с родиной простился, и знакомый
Брег оттолкнул ногой. Так покидает
Гребец, волнами пенными влекомый,
Родимые пределы...
Отчизна! — где дела не вызревают,
А книги — перезрелы!

II

Итак, ногою брег я оттолкнул. Покорно
Он мой каблук изведаль;
И мне в ответ он застонал притворно.
(Потом проклятью басом предал!)

III

Ох! Вы, поющие к р о в а в о и п о ж а р н о,
Кто приговор себе из вас прочтет?
В историю войти — одно у вас желанье,
Но что вы поняли в кровавой этой бане —
Арифметические, как просчет!

IV

Да песнь моя темна... и в эти дни
Вам, ясным, не понятно, может статья,
Зачем рассудок-муж твердит: «Усни!»
Супруге, утомленной после танца.

1867 г., ноябрь.

ЧТО ЕЙ СКАЗАТЬ?

1

Что ей сказать?.. Ах, что на ум взбредет,
Не размышляя ни минутки.
Ну, например, что полный оборот
Земного шара — это сутки!

2

Что шар земной несется в небесах,
Не зная постоянства,
Что слышен скрип веков на полюсах,
Что время тяготит пространство,

3

Что год — не есть простой круговорот
Покоя и движенья,
И что не только лишь мгновеньям счет
Ведет сердцебиенье!

4

Сказать ей это...
 ...перейти к погоде,
Где холод, где тепло — и отчего...
Потом два слова о последней моде...
И больше ничего.

1868 г.

ПАНИ М., ИДУЩЕЙ КУПИТЬ ТАРЕЛКУ

(Малешевской)

1

Есть поколенья, племена и грады,
Грустны, рутинны —
От них остались не златые клады —
Горшки из глины.

2

И даме, что сейчас купить их хочет,
Не жаль нисколько,
Что здесь, в Сицилии, кого-то топчет
(Хотя и полька!..).

3

Ведь племена, свою оставив лепту,
В веках пропали,
Как тот слуга, что подавал тарелку
Вельможной пани.

*3-го дня 1869 года
(с тарелкой)*

ЕЩЕ ФРАНЦИЯ НЕ ПОГИБЛА!

1

Что заслужил сей мир?.. Вопрос не новый.
О том решат в час светопреставленья.
Ведь затмевался свет и над Голгофой;
И бой сердец отсчитывал мгновенья.
Не дотащились рыжие вандалы!
И что от них осталось в Карфагене?..
Нет, не погибла Франция! Нимало!

2

Нет, Франция не сгнула!.. Тираны
На бледных лбах почувствовали тени
Ее знамен пробитых. В их старанье
Отринуть призрак — чуялось смятенье...
И меч свой подняла она в ответ,
Что молоты веков ей отковали...
Нет! Не погибла Франция! Нет! Нет!

1870 г. август

СКУЛЬПТОР

Скульптуры суть и тайна,
В том-то они и есть,
Чтоб дух — грозы блистанье —
Преобразился в жест,—

Подъем и нарастанье —
И пара этих рук,
Забывших о пределе,
Вспорхнет из колыбели
В необозримый круг!

Лишь люди, что рисуют,
Качают колыбель,
Ваяют и танцуют —
Художник и модель —
Те — и земля, что глухо
Ждет, чтобы хлынул дождь,—
Сорвут покровы духа —
— В ритм! В дрожь!

1876 г.

БРОНИСЛАВУ З.

(Залескому)

Двое малых детей на пороге убогой хаты
Играли осколками битых оконных стекол —
Эта поломка стала целой эпохой в селе,
Где редко бывает стекольщик, а град помнят долго —
По нем остаются побитые нивы и сбитые ветки...
Мудрец наблюдал детей, их радость от радужных стекол,
Так зародилась линза, и телескопы ума
Глядят в мириады миров, рассеянных в Млечном Пути!
— Так в Святом Казимире, удаленном от центра столицы,
Спрошу тебя не о том, «п о м н и ш ь л и к а р н а в а л
в е н и ц е й с к и й»,
А о том, помнишь ли, что сегодня здесь день именин
Настоятельницы Сестер — тихий праздник в шумном
Париже?!

Старый Мишле, которого черные юные очи
И белоснежные волосы я никогда не забуду,
Мне говорил, что дело искусства в грядущем —
Выразить доброту, ибо святостью и красотой
Многokrратно уже восхищались достойнейшие мастера.
Творец «Валленрода» в Риме (помню его, как сегодня),
Со мной говоря об искусстве (он был на теории скуп
И выше их ставил творенья бессмертного духа),
Произнес: «Сегодняшний мастер не видит или не хочет
Видеть лицо и облик скромной черницы, когда
После причастия тихо отходит от алтаря.
А ведь в этом исток!..» Именно так говорил автор
«Дзядов».

«Что пишешь?» — ты спрашивал. Это, к примеру, письмо —
Но скажи, что шлю тебе малую дань — п о э з и я здесь:
Та, что без злата бедна, но говорю тебе правду,
Без поэзии — золото лишь н и щ е т а н и щ е т ы.
Исчезнет роскошество и отойдет изобилье,
Силы развеются, сгинут богатства, миры сотрясутся.
Из ценностей этого мира останутся две наивысших —
Две только: п о э з и я и д о б р о т а... и не будет других...
Даже знание без них превратится в пустую бумагу,
Вот что такое сестры сии — двоица эта!..

Думаешь ты, что пишу тебе из Парижа,
Разделенного Сеной, которая каждую ночь
Прячет в хладных волнах при дрожащем пламени газа
Преступление или угрюмое самоубийство...

Погляди — здесь и там неприметные, скромные стены.
Войди — вечереет, и тебе бы могло показаться,
Что ты на Мальте и бродишь по монастырю
Рыцарей ордена... Сквозь приоткрытые двери
Видишь то ржавую саблю, то профиль суровый и грустный.
Старец, почти что столетний, в конфедератке, как тень
Национального знамени, сломленного над могилой,
Мимо прошел и погас в переходе длинном, как вечность...
Ты ощущаешь века, что подобны курантам на башне,
Отбивающим время для града, о котором они и не помнят.
Что здесь за век? Что за год? Какие здесь беды?
С сими мужами мог бы сам разговаривать Тацит,
Учась, как учить невезучих пониманью порядка вещей.

Погляди — и здесь, и где-то, и всюду
Возлюбленные того, кто принял смерть на Голгофе,
Приходят творить добро с его именем на устах.
Их белые наголовья всплескиваются под ветром,
Когда поспешают они по долгу своей любви.
Сегодня в честь именин Настоятельницы Сестер,
Стайка их учениц расцветает стайкой улыбок.

Необычное здесь оживленье, даже петух и куры
Прибираются в солнечном свете, скупо украсившем стену;
Бодро трусит дворняга, спущенная с цепи.
Весь мирок взбудоражен. А рядом огромный Париж,
В котором два миллиона смертных жаждут наживы.
А здесь идет диалог в духе Тирсо да Молина.
Вечер уже начался: у переодетой панны
Усы нарисованы явно женской рукой; а другая
Изображает еврея с бородкой, с комичной походкой.
Ангелы запросто входят в развитие драмы,
Как у тебя херувимы,— им, видно, удобны
Эти бумажные крылья, которые после хранятся
Где-то в комодe, до новых спектаклей... А панны растут
И вырастают из крыльев особы — что надо!
Краковяки с девицами — ростом не больше, чем два
Этих бумажных листка — начинают стремительный танец,
С шапками об пол и с этим пленительным жестом
Дальней отчизны, неведомой им... (так и я,
Помню, плясал возле матери — перед разлукой!..).

Но наступает финал: э п и л о г, и пустеют корзины
С апельсинами, чья круглота целиком не охвачена
Пальцами маленьких рук — и от этого кажется больше.

— Счастье, как видишь, мой друг — Человечество
и Отчизна,
(Докажет сие апельсин... Что ж! Яблоко Ньютона было
Доводом веским), а также сила Искусства.
Когда оно в близком открыт идеальное может.
Будь снисходителен к этим гекзаметрам скромным:

«Exsul eram, requiesque mihi, non fama!!»

Vale — — ¹

1879 г.

¹ «Изгнанник, я ищю не славы, но покоя!!»
Прощай. — — (лат.).

КРАСОТЫ ВРЕМЕНИ

Погасли лилии, и вихрь осенний
Срывает лепестки с атласных роз:
Не ищут К р а с о т ы поэты, музыканты,
И даже — женщины, и даже дилетанты —
Сегодня ждут, чтоб что-нибудь стряслось —
Ждут потрясений или обольщений...

*

И обольстительность и шум сегодня в силе,
Откуда бы они не исходили!..
Урании два дива, две руки.

*

Обнимут ли тебя?.. Или задушат?
В могилу ли сведут?.. Слезу осушат? —
— — — — — (здесь обрываются черновики).

Париж, 1880 г.

РАЗДЕТАЯ

(Баллада)

I

Весь день она скрывается от света:
Она раздета...

.....
Пусть, хоть бы раз, прислужница сказала:
«Спит наша панна!»

Или иначе: «Только-только встала...
И скрылась в ванной...»

II

Башмачный цех стоит во всеоружье,
Три белошвейки
Снимают мерку домыслом досужим,
Прикрывши веки.

III

А где-то дети этим утром чистым
Сидят за партией,
За плуг взялся крестьянин, Висла мчится
И Нида с Вартой.

IV

Пейзаж блаженный! Запахи курятся,
И ветром тянет.
Но, не успев собраться и прибраться,
Она не встанет.

V

Мир говорит: «Есть три различных стиля
Ее одёжи:
Восточный, западный, лоскутный или
Могильный тоже».

VI

Я с этим совершенно не согласен,
Те мненья странны.
Пусть обнажен, но дивен и прекрасен
Портрет Дианы.

VII

Бледнеет Актеон, и в этом блеске
Бежит от воя своры и от рога;
Дрожит от страха лес Гиперборейский,
Как окруженная берлога.

VIII

Она же — без доспехов и без тоги —
Горда и блещет красотою.
И знает, что подобной наготою
Карают боги!

СЛАВЯНИН

ТЕОФИЛИУ ЛЕНАРТОВИЧУ

Как славянин, когда не знает, где учиться,
Мечтает средь полей, как жить н а с в о й м а н е р,—
А где-то вдалеке купец в вагоне мчится,
И телеграф стучит, и реет монгольфьер;
Как славянин, что все уже прошел дороги,
Ждет с а м о в и т о с т и, без знания, от души —
Вот так печальна жизнь!.. Товарищи, пророки,
Крестьяне, шляхтичи, евреи, торгоши!

Так камень на меже лежит, забыв про сроки,
А прежде штурмовал лихие рубежи;
С ним рядом коровяк и рыжая полевка,
А он лежит в полях огромно и неловко
(Сам разумеешь смысл моих иносказаний) —
То ль камень межевой, то ль череп великаний?

1882 г.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЦИПРИАНА НОРВИДА¹

1821

24 сентября в наследственном имении матери Лясково-Глухи (на Мазовше, ок. Радзымина) родился Циприан Норвид. Отец его происходил из обедневшей шляхетской семьи. Циприан был третьим ребенком в семье, кроме него, были два брата — Людвик (впоследствии также литератор) и Ксаверий, и сестра Паулина.

1825

11 апреля умерла мать поэта.

1831

В сентябре Циприан поступает во второй класс варшавской гимназии. Как он сам отмечал, на его воспитании сказалась «неизбежная неупорядоченность, которая неразлучна с ранним сиротством». Ф. Фаленский, гимназический товарищ Норвида, впоследствии известный поэт, вспоминал о нем: «Не очень хорошо он учился, зато уже тогда проявлял недожизненный талант (...). Полагаю, что мысль его усиленно работала и философия более его привлекала, чем полет фантазии. Он обладал даром видеть вещи глубже (может быть, вернее), нежели другие, и быстро подме-

¹ При подготовке использована составленная Ю. В. Гомулицким «Малая хроника жизни и творчества Циприана Норвида» (С. Norwid, *Dzieła zebrane*, t. I, *Wiersze*, Warszawa, 1966, стр. 1—128). Для датировки произведений поэта учитывалась «Библиография польской литературы». (*Bibliografia literatury polskiej*. Nowy Korbut, t. 8, *Romantyzm*, Warszawa, 1969, стр. 448—478).

См. также на русском языке: А. В. Липатов, Циприан Камиль Норвид.— В кн.: «История польской литературы», т. I, М. 1968, стр. 418—449.

чать то, что иным было вовсе недоступно (...). Учителей поражали в нем ум и оригинальность стиля».

1835

25 июля умирает в варшавской долговой тюрьме отец поэта.

1837

Норвид оставляет пятый класс гимназии и поступает в частную школу живописи А. Кокуляра. Позднее (с 1839 г.) он занимается в мастерской художника Я. К. Миасовича.

1838—1839

Неизгладимое впечатление производят на Норвида арест и высылка «свентокшижцев» (членов филиала подпольного «Содружества польского народа»), некоторых из них, например, поэта Г. Эренберга, он знал лично. Июньской ночью 1839 года Норвид выходит с товарищами на улицу и провожает кибитки с ссыльными в Сибирь.

1840

В феврале Норвид дебютирует в печати, анонимно публикуя в журнале «Письменничество крайове» стихотворение «Мой последний сонет» (посвящен Б. Дыбовской, первой любви поэта). В том же году стихи Норвида появляются в «Шпегленде варшавском», «Газете поранпой» (а в 1841—1842 гг. — в «Библиотеке варшавской», «Паментнике литератком», в виленском «Антенеуме» Ю. И. Крашевского). Благожелательные отклики на дебют печатают «Газета поранна» и «Тыгодник петербургский». Поэт становится гостем литературных салонов, встречается с литераторами Э. Хоецким (впоследствии эмигрант, сотрудник «Трибуны народов» А. Мицкевича, знакомый Герцена), А. Чайковским, поэтом Т. Ленартовичем, с членами бунтарско-романтического кружка «варшавской богемы» С. Филлеборном, Р. Зморским, Ю. Б. Дзеконским и с другими. Знакомится он и с членами конспиративных молодежных кружков (К. Левитту и др.). В декабре он зачисляется практикантом без жалованья в варшавскую герольдию.

В мае Норвид получает заграничный паспорт для поездки с целью «совершенствования в искусстве ваяния». Он едет в Дрезден, Мариенбад, Прагу, снова в Дрезден, затем в Нюрнберг, а с октября поселяется в Мюнхене, посещая лекции в местной школе изящных искусств.

По-видимому, в конце зимы Норвид едет в Италию для дальнейшего изучения живописи, скульптуры, классической итальянской литературы и занятий археологией. Во Флоренции он подает просьбу о приеме слушателем в Академию изящных искусств и начинает занятия у скульптора Л. Пампалони.

В июне познанский «Тыгодник литерацкий» печатает статью выдающегося революционера-демократа Э. Дембовского «Молодая варшавская словесность». Автор ее, назвав Норвида одним из «молодых талантов», которые «заблестали в поэзии», пишет: «Норвид восхищает милым, стройным, даже сильным звучанием своей речи, трогательной нотой, на которой он строит каждую свою песнь». Одновременно Дембовский отдает предпочтение открыто бунтарской поэзии Эморского и относительно Норвида (располагая для суждения ограниченным материалом) приходит к опрометчивым выводам: «хоть восхитил, но не имел огромности гения», «стал салонным, и ничего от него ждать не следует».

В апреле — июне поэт совершает поездки в Венецию, Рим, Неаполь, к развалинам Помпеи, по Адриатическому морю.

К Норvidу начинает проявлять интерес консервативная эмиграция. Агент А. Чарторьского доносит из Рима в Париж: «Это человек весьма незаурядных способностей, очень хорошо воспитанный, весьма добродетельных чувств, благоразумный, религиозный и всё понимающий. В Варшаве он знает весь польский свет: прежде всего литературный, как юноша с незаурядным писательским талантом, а во-вторых, через тех, кто из уважения к его характеру и способностям поддерживает его в начинаниях (...). Во

всяком случае, где бы он ни находился, он должен быть полезен».

В ноябре—декабре Норвид начинает встречаться с прибывшей во Флоренцию знаменитой красавицей Марией Калергис (и ее спутницей М. Трембицкой, дочь убитого повстанцами в 1830 году царского генерала). Страстная и тяжкая любовь к Калергис наложила отпечаток на его дальнейшую жизнь и творчество. М. Калергис (1822—1874, во втором замужестве — Муханова), дочь начальника варшавской жандармерии Фр. Нессельроде и внучатая племянница К. В. Нессельроде, российского министра иностранных дел, была тогда замужем за греком-миллионером, но уже развехалась с мужем. Калергис была звездой европейских салонов, ее связывала дружба с такими выдающимися людьми, как Шопен, Лист, Вагнер, Мюссе, Гейне и другие.

1845

С января поэт находится в Риме. В марте он принимает помазание в одной из римских церквей и с ним второе имя — Камиль. В марте же в Рим приезжает Калергис, а в мае—июне поэт сопровождает ее в поездке в Неаполь, Помпеи, на Везувий. В сентябре, вдогонку за Марией, Норвид через Триест, Вену и Силезию направляется в Берлин. По дороге он отдает свой заграничный паспорт одному из варшавских знакомых, дезертировавшему из царской армии.

1846

В первой половине года Норвид в Берлине, посещает в университете лекции по философии и истории искусств, общается со студентами-поляками, с учеными (критик и историк литературы В. Цыбульский, философ А. Цешковский, знакомый еще с Варшавы), а также с патриотами, готовившими восстание в Познани (есть предположение, что поэт ездил туда в феврале). Когда стало известно о передаче Норвидом паспорта другому лицу, он был вызван в российское посольство и вскоре арестован близ русско-прусской границы, а затем, 28 июня, препровожден в берлинскую тюрьму. После недельного сурового заключения заболевший Норвид (временная глухота) переводится в тюремную больницу. За него хлопочут влиятельные знакомые. В начале августа поэт получает свободу и выезжает в Бельгию. 29 ноября он произносит в Брюсселе патриотическую речь по случаю годовщины восстания 1830 года.

Узнав о приезде Калергис в Италию, Норвид в феврале снова оказывается в Риме, где продолжает заниматься искусством, возобновляет прежние контакты. Активизируется литературная деятельность Норвида: он пишет поэму «Свадьба», не дошедшие до нас драматические произведения («Паткуль» и др.).

Норвид встречается в январе с прибывшим в Рим Зыгмунтом Красинским (1812—1859), видным поэтом-романтиком, и отношения поэтов приобретают дружеский, хотя и не вполне равноправный характер. Общение с автором «Небожественной комедии» и «Иридиона», прозорливым художником, но ярким консерватором в политике, оказало влияние как на философско-исторические интересы Норвида, так и на его позицию во время революционных событий 1848—1849 годов. В феврале в Рим приезжает Мицкевич. Норвид знакомится с ним, однако, не разделяя ни его мистических увлечений, ни революционных стремлений, оказывается в числе его противников: когда Мицкевич формирует польский легион для борьбы за свободу Италии, Норвид резко выступает против провозглашенного им демократического «Свода принципов» и, записавшись поначалу в легион, выходит из его состава. В мае, во время революционных событий в Риме, Норвид, как и Красинский, оказывается в числе ревностных сторонников папы.

В Риме Норвид пишет ряд лирических стихов, начинает работу над драматической поэмой «Зволои». В Париже выходят отдельной брошюрой доставленные туда Красинским стихотворения Норвида «Еще слово» и «Сочельник», являвшиеся откликом на политические события в духе тогдашних взглядов автора.

В феврале Норвид переезжает в Париж. Вскоре он знакомится с Юлиушем Словацким (несколько раз посещает больного поэта) и с Фредериком Шопеном. Через Э. Хоецкого возобновляет знакомство с Мицкевичем, бывает у Эммы и Георга Гервегов, где встречается с представителями международной революционной эмиграции, с видными писателями (в том числе с А. И. Герценом, И. С. Тургеневым).

Впервые Норвиду бросается в печати упрек, доминировавший впоследствии в оценке современниками его поэзии: рецензент познанской «Газеты польской» обвиняет Норвида в «манерной неясности мысли, образов и слов». В Познани издается поэма Норвида «Песни общественной четыре стороны». Поэт начинает сотрудничество с местными журналами, в которых ему удается опубликовать в 1849—1851 годах около пятнадцати стихотворений.

1850

Норвид берет на себя обязательство написать очерк истории искусств, но не доводит его до конца. Завершает поэму «Прометидион», явившуюся изложением его взглядов на искусство, пишет философскую поэму «Псалм псалмов», одноактную комедию «Ночь тысяча вторая». Ухудшается здоровье поэта, он переживает психическую депрессию. Сравнительно благожелательный интерес проявляет к Норvidу Мицкевич. Сдружившийся с ним популярный поэт Юзеф Богдан Залеский в письмах и дневнике называет его «гением в оковах», «апостолом правды, пророком и великим художником». Но одновременно резкую недоброжелательность проявляет к Норvidу Красинский, а в печати появляются пренебрежительные и насмешливые отзывы второстепенных литераторов.

1851

Вышедший в феврале в Париже «Прометидион» не снискал Норvidу признания коллег. Даже дружески расположенный Залеский замечает: «Форма странная и претенциозная, но содержание незаурядное и много мыслей возвышенных».

Норвид создает вторую редакцию мистерии «Ванда».

1852

Норвид пишет и посылает А. Чарторьскому стихотворный цикл «Салем».

В марте жюри парижской выставки отвергает предложенный Норvidом рисунок. Приведенный в отчаяние постоянными неудачами и нуждой, поэт строит планы ухода от мира, поступления в монастырь, а затем решает покинуть Европу. В декабре он едет в Лондон, а оттуда в Америку.

После долгого и трудного плавания Норвид 11 февраля прибывает в Нью-Йорк. Вскоре тяжело заболевает, пытается заработать на жизнь художническим ремеслом, некоторое время работает в мастерской знакомого художника над иллюстрациями для «Альбома всемирной выставки». Уже в октябре он пишет М. Трембицкой: «Я здесь в обществе, совершенно мне противоположном и со всех точек зрения ином и чуждом...» Под конец года Норвид принимает решение вернуться в Европу, ищет средств на проезд, обращается с письмами к А. Мицкевичу и А. И. Герцену, жалуясь на невозможность в Америке чем-нибудь содействовать польскому делу.

Томимый тоской, Норвид пишет: «...Везде в других краях опорой в моей сиротской жизни мне был фундамент истории, и развалины Рима часто заменяли мне семейные чувства — а здесь, лишенный этого, я затосковал, хотя бы по одному тысячелетнему камню...» Позднее он так определит свое тогдашнее состояние: «Я впал в такую меланхолию, которая мало чем отличалась от умопомешательства». Наконец в июне один из соотечественников, выезжая из Нью-Йорка, забирает с собой больного, почти оглохшего, всеми оставленного Норвида, и в июле поэт прибывает в Лондон. Здесь он живет «в самом бедном домишке самой бедной части города». Лишь под конец года благодаря пособию, полученному от Красинского, Норvidу удается возвратиться в Париж.

Норвид переводит отрывки из «Гамлета» и «Юлия Цезаря» Шекспира.

В июле он получает уведомление о том, что российские власти, ранее потребовавшие возвращения поэта из-за границы, рассматривают его как эмигранта и приговаривают к изгнанию и конфискации имущества.

Норвид пишет «Памяти Вита Стоса семь эстетических очерков», драматическую поэму в трех картинах «Критика», поэму «Странствующий искусник» и другие произведе-

ния. В приложении к краковской газете «Час» публикуются его «Черные цветы» — цикл прозаических миниатюр, навеянных встречами с Шопеном, Мицкевичем, Словацким, Витвицким, французским художником Деларошем.

1857

В том же издании Норвид печатает «Белые цветы» — эссе, в котором излагает свои философско-эстетические воззрения. Отношение критики к его прозе (ныне признанной одним из интереснейших явлений в польской литературе прошлого века) было аналогично оценкам норвидовской поэзии. В этом же году Норвид пишет одноактную трагедию «Кротость» (тогда же опубликована в «Дзеннике литератском».)

1858

Отдельными брошюрами издаются в Париже стихотворение «На смерть Яна Гаевского» и полемический трактат «Об искусстве (для поляков)». В ноябре Норвида посещает Красинский: встреча приводит к примирению поэтов. (Около двух лет спустя, уже после смерти Красинского, Норвид выполнит в его память бронзовый медальон с его профилем).

1859

В Петербурге выходят сатирико-драматическая миниатюра Норвида «Ауто-да-фе» (написана ок. 1856 г.) и поэма «Счастливая» (1858), а также «Стихотворения Константия Гашинского, Циприана Норвида и Антония Чайковского», куда вошли пять норвидовских стихотворений, публиковавшихся в журналах 40-х годов. В Париже публикуется поэма в прозе (легенда) «Горсть песка». Отношение публики остается прежним. Любопытен отзыв А. Э. Козьмяна, литератора и библиофила, писавшего в связи с провалом вагнеровского «Тангейзера»: «Вагнер в музыке является тем же, чем Норвид в нашей поэзии: смешон скукой, темпотою и сомнением. Его музыку называют музыкой будущего, как у нас Норвида нарекли поэтом будущего — и это действительно норвидовское творение».

1860

В апреле—мае Норвид читает цикл из шести лекций, посвященный творчеству Словацкого и одновременно изло-

жению собственного взгляда на поэзию. Лекции имели успех, собрали значительное число слушателей (довольно много студентов-поляков) и в следующем году были изданы отдельной брошюрой.

1861

Норвид взволнованно следит за патриотическими манифестациями в Варшаве, посвящает им несколько стихотворений. В Париже выходят отдельной листовкой его стихи «Моя отчизна» и «Сфинкс».

1862

В ноябре лейпцигский издатель Ф. А. Брокгауз выпускает том «Поэзии» Норвида (датируя его 1863 г.). В том этот (объемом около двадцати печатных листов) вошли некоторые стихотворения 1850—1862 годов, поэма «Эпименид» (написана в 1854 г.), философско-историческая поэма «Quidam» (1856—1857), трагедия «Кракус» (1861), цикл «Пять бытовых зарисовок» (1856), новеллы «Браслет» (1858), «Цивилизация» (1861) и другие произведения. Откликов в печати том, однако, не вызвал. В январе 1863 года началось польское восстание.

1863

Норвид всецело поглощен событиями на родине: откликается на них политическими стихотворениями, жадно ловит известия о ходе восстания, строит (безуспешно) планы заграничного периодического издания, которое воздействовало бы на европейское общественное мнение в пользу поляков.

1864

В апреле—мае в Лейпциге выходит книга с двумя поэмами Норвида «Неволя» (написана в 1849 г., ранее называлась «Три вопроса») и «Фульминант» (1863). В том же году Норвид работает над комедией «Графиня Пальмира», от которой до нас дошли лишь отрывки первого акта.

1865

С августа Норвид интенсивно работает над лирическим циклом «Vade-mesum» (эта работа длится по апрель следующего года). В этом и следующем году завершает

драму в стихах «За кулисами» (первой ее частью становится трагедия «Тиртей»). Во второй половине 60-х годов, как полагают, Норвид пишет и комедию «Актер».

1866

Брокгауз отказывается от издания второго тома «Поэзии» Норвида. Норвид обращается за помощью к Ю. И. Крашевскому, в письме к нему он отстаивает правомерность своих исканий: «Богатое в других отношениях прошлое польской поэзии не подготовило публики к подобным произведениям — но что делать! Ведь однажды нужно же и на себя слегка оглянуться, и даже нужно когда-нибудь причислить к красотам также и мысль и истину, смысл и рассудок. Этот тоже чего-нибудь стоит!.. После поэзии пейзажей и пастушеских флейт, может быть, и мое скромное направление заслуживает или заслужит некоторого сочувствия...» В ответ Норвид получил вежливый отказ.

1868

Норвиду удается опубликовать два офорта в приложении к парижскому журналу «Артист», выставить один офорт в весеннем парижском Салоне. Его принимают в парижское Общество художников. Поэт переводит отрывки из байроновского «Паломничества Чайльд-Гарольда».

1869

В мае Норвид успешно выступает с публичным чтением поэмы «Вещь о свободе слова», которую через несколько месяцев удается издать в Париже. Слушатели приняли поэму очень хорошо, иначе — критика.

Поэт сближается с журналисткой Зофьей Венгерской, из Парижа посылавшей фельетоны в польские издания. Внезапная ее смерть принесла Норвиду новые переживания.

1870

Норвид переводит отрывки из «Одиссеи», пишет поэму «Ассунта».

В августе он добровольно вступает в отряды польских эмигрантов, которые формировались в связи с неблаго-

приятным поворотом в ходе франко-прусской войны. Но уже на учениях обнаруживается его полная — вследствие глухоты — непригодность к военной службе. Осенью Норвид пишет на французском языке трактат «Философия войны». В период осады Парижа пруссаками остается в столице, не имея средств к жизни, страдая от голода.

1871

Норвид становится свидетелем событий Парижской коммуны, не разделяя при этом идей коммунаров и даже выражая подчас свое неодобрение тех их действий, которые носили антиклерикальный характер.

1872

Норвид пишет комедию «Перстень великосветской дамы» и посылает ее в Краков на драматический конкурс (без успеха). Примерно в это же время возникают поэмы «A Dogio ad Phrygium» и, возможно, «Эмиль из Гоздавы» (другая датировка: 1879—1880). Здоровье поэта ухудшается, обостряется туберкулез, начинается кровохарканье.

1873

В начале года Норвид пишет статью о древнем памятнике польской поэзии — «Богородице».

1874

Норвид пишет комедию «Чистая любовь на морских купаниях» (по другим предположениям — в 1877—1881 гг.) и новеллу «Последняя из сказок» (иная датировка: 1870—1883). На 70-е годы приходится, по-видимому, и работа Норвида над исторической трагедией «Клеопатра» (осталась неоконченной).

1875

В сентябре Норвид встречается с приехавшим в Париж русским художником В. Д. Поленовым.

1876

Сближение Норвида с приехавшей в Париж писательницей Марией Садовской.

В начале года Ж. Сарнецкий публикует в газете «Эхо» благожелательную статью о творчестве Норвида с текстом трех его стихотворений.

В январе Норвид собирается выехать из Парижа в Италию, пытается одолжить необходимые для этого средства у князя Вл. Чарторыского, отправляет во Флоренцию книги, рисунки и архив, съезжает с квартиры, продает вещи и — когда планируемый заем не удается — оказывается в отчаянном положении. Поэт вынужден теперь согласиться на предложение своего родственника М. Ключковского поместить его в приют св. Казимира (расположенный в парижском пригороде Иври), где содержались престарелые и неимущие эмигранты, ветераны восстаний. С 9 февраля Норвид поселяется в приюте и с этого момента ведет еще более уединенную жизнь, редко выходя из приюта и подчиняясь установленному там порядку. В сентябре он пишет одному из друзей, Бр. Залескому: «Я просто все яснее вижу каждую осень и каждую зиму, что погибаю тут».

1879

Перевод отрывков из «Элегий» Овидия.

1882

Норвид работает над философско-эстетическим сочинением «Молчание» (в письмах его говорится и о поэме того же названия, до нас не дошедшей). В апреле он принимает участие в собрании по случаю годовщины смерти Словацкого и произносит речь.

1883

Норвид заканчивает новеллы «Печать», «Ad leones», «Тайна лорда Сингелурта», планирует издать их и получить средства для поездки на юг, необходимой в связи с болезненным состоянием.

С середины мая Норвид окончательно слег, в ночь с 22 на 23 мая, под утро, поэт умирает.

КОММЕНТАРИИ

При работе над переводами, включенными в настоящее издание, в основу был положен первый том («Стихотворения») издаваемого в Польше Собрания сочинений Циприана Норвида (Cyprian Norwid. Dzieła zebrane. Opracował Juliusz W. Comulicki, t. I. Wiersze. Tekst. Warszawa. PIW. 1966). По принятому в этом томе хронологическому порядку расположены почти все произведения, вошедшие в данный сборник. В том случае, если отдельные стихотворения Норвида даются в польском томе дважды: первый раз — как самостоятельные произведения, а второй — как часть цикла «Vade-mecum», они приводятся лишь в составе цикла. Обстоятельный, явившийся результатом многолетней исследовательской работы комментарий Юлиуша Виктора Гомулицкого к стихотворениям Норвида, который составил второй том упомянутого выше польского издания (Tom II. Wiersze. Dodatek krytyczny. Warszawa, PIW. 1966), широко использован при составлении данных примечаний.

Б у р я

Стихотворение, впервые напечатанное лишь после смерти Норвида, в 1912 г., написано было, как предполагают, в конце 1841 г. Подзаголовок указывает на то, что оно было частью более обширного произведения патристического содержания. В «Буре» отразились настроения передовой варшавской молодежи и волновавшие ее события, в частности — трагическая история Кароля Левитту, студента-юриста, члена конспиративного студенческо-гимназического кружка. Арестованный весной 1841 г. и заключенный в Цитадель, Левитту, боясь, что не вынесет пыток, и не желая назвать имена сотоварищей, поджег свой тюремный тюфяк и погиб в муках.

П е р о

Опубликовано весной 1842 г. в журналах «Паментник литерацкый» и «Библиотека варшавска».

Моя песенка [I]

Опубликовано в декабре 1845 г. в «Библиотеке варшавской». Эпиграф взят из II сцены II действия «Гамлета».

Черная нить...— нить жизни несчастного человека, согласно древнегреческой мифологии (счастливому Парки пряли нить из белой шерсти).

Чернолесскою речью...— Речь идет о поэзии Яна Кохановского (1530—1584), крупнейшего поэта польского Возрождения, жившего последние годы в своем имении Черноляс (Чернолесье), создавшего там лучшие свои вещи и именуемого поэтом «Яном из Чернолесья».

Italia! Italia!

Впервые опубликовано в 1908 г., после смерти автора.

Лирическая атмосфера стихотворения, написанного в Берлине, вероятнее всего, в конце 1845 — начале 1846 гг., навеяна воспоминаниями о встречах с Марией Калергис.

...где Торквато Иерусалим пел с чувством...— Имеется в виду поэма Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим» (1575).

Scherzo

Написано в 1847 г. в Риме, опубликовано лишь в 1939 г.

Как свидетельствует, основываясь на рассказе самого Норвида, З. Красинский в одном из своих писем, в стихотворении отразилась беседа поэта («Он») с секретарем царского посольства в Берлине Феликсом Фонтоном («Второй»), имевшая место в июне 1846 г. Фонтон, знавший Норвида еще по Варшаве, информированный о его связях с патриотической эмиграцией и о передаче им другому лицу своего паспорта, предложил поэту поступить на русскую дипломатическую службу. Норвид ответил отказом. (По-видимому, и заглавие стихотворения подчеркивает отношение к этому предложению.) Первый же искуситель («Один из них») представляет в стихотворении тогдашние религиозно-мистические увлечения, может быть, имеется в виду весьма популярная среди эмигрантов секта Анджея Товянского, в которую тогда вступил брат поэта Людвик. Используются в стихотворении и мотивы описанного в Евангелии искушения Христа сатаной.

Белый мрамор

Написано в августе—октябре 1848 г. Опубликовано по-
смертно в 1908 г.

Ряд деталей стихотворения, посредством которых поэт представляет «дивную Элладу» в образе прекрасной женщины, создает второй, интимно-лирический план «Белого мрамора», навеянный любовью Норвида к Калергис.

Времена

Написано около 1849 г., опубликовано в 1857 г. в познанском литературном альманахе «Поклосе». В стихотворении (переработанный вариант его, включенный в цикл «Vade-mecum», автор позднее озаглавит «Социализм») отразилось скептическое отношение Норвида к тем положениям утопическо-социалистических учений, согласно которым произойдет скорое слияние наций в едином человечестве.

Осень

Опубликовано в 1857 г. в Познани.

Песнь от нашей земли

Впервые напечатано в 1850 г. в познанском еженедельнике «Кшиж а меч». Заглавие с минимальным изменением повторяет название популярной в то время пейзажно-этнографической поэмы Винцентия Поля (1807—1872) «Песнь о нашей земле» (1835, опубл. 1843), а содержание норвидовской «Песни», откровенно политической, явно полемично по отношению к произведению Поля, не касавшемуся печальных и острых вопросов современности, повествовавшему о красе родного края в идиллических тонах. Норвид с первых же строк говорит о героях освободительной борьбы (ряд их в 30—40-е гг. был повешен в Варшаве), обличает поработителей Польши: царскую Россию («восток»), Пруссию («север») и Австрию («юг»), а также обманувшую надежды польских патриотов буржуазную Францию («запад»), на вопрос же о путях освобождения родины отвечает в духе демократической эмиграции («Я встану сам. Я дам народам братство»). Эпиграф взят из письма Жанны Д'Арк английскому королю Генриху V.

Стихотворение это Норвид послал в ноябре 1850 г. Юзефу Богдану Залескому, известному романтическому поэту, также находившемуся в эмиграции. Напечатано оно при жизни автора не было.

Н а ш а э п о п е я

Написано, по мнению Ю. В. Гомулицкого, в 1851 г., опубликовано посмертно в 1910 г.

...в славе громки, великолепы и ясновельможны...— Норвид имеет в виду знакомых из аристократического круга (с которыми к тому времени разошелся) — Красинского, Цешковского и Адама Потоцкого.

...со своими Беатриче...— Намек на возлюбленную Красинского Дельфину Потоцкую (сам Красинский называл ее своею Беатриче).

Планеты им с улыбками кивают...— Норвид намекает на «космические» мотивы мессианистской поэмы-видения Красинского «Перед рассветом» (1843), которая была обращена к Д. Потоцкой.

...алеют ленты наши...— Красный цвет здесь символ жертв и страданий.

От окон, чей простор решетки душат...— Норвид подразумевает судьбу своих сверстников, узников варшавской Цитадели, и свою собственную (пребывание в прусской тюрьме).

З а с е д а н и е

Эта эпиграмма («шутка») написана, по-видимому, в 1851 г., опубликована в 1910 г.

Чуждак откроет пар...— Речь идет о Симоне Ко, еще в 1615 г. изложившем идею парового двигателя и объявленном сумасшедшим.

Пейзажист...— Подразумевается Л.-Ж. Дагерр, изобретатель дагерротипии.

Недоучившийся дантист...— Т. Г. Мортон (1819—1868), американский зубной врач, усовершенствовавший метод обезболивания путем наркоза.

И х с и л а

Написано и опубликовано одновременно с предыдущим стихотворением.

Памяти Бема траурная рапсодия

Впервые опубликовано посмертно в 1910 г.

Генерал Юзеф Бем (1794—1850) — был участником восстания 1830—1831 гг., отличился в битве под Остроленкой, в 1848—1849 гг. сражался на стороне восставшей Венгрии, командовал армией, затем поступил на турецкую службу и умер в Сирии. Норвид написал свое стихотворение, по-видимому, в связи с первой годовщиной смерти Бема.

Моя песенка [II]

Стихотворение было написано Норвидом в Америке в начале 1854 г. Опубликовано посмертно в 1904 г. Очевидно сходство «Моей песенки» (строфическое строение, размер, рефрен) с «Гимном» («Грустно мне, боже») Ю. Словацкого (1839).

Три строфы

Написано весной 1854 г. в Нью-Йорке, опубликовано в 1858 г. в краковской газете «Час». Посвящено Калергис. Вместе с тем исследователи, основываясь на свидетельстве современника, говорят о двуплановости стихотворения, об отражении в нем чувств поэта по отношению к не понявшему его польскому обществу.

Кроткую песнь не проси...

Написано в 1855 г., опубликовано в 1933 г.

Теофиль Ленартович (1822—1893) — известный польский поэт. Поэзия Ленартовича, не ставившая морально-философских проблем, подчас идиллическая и описательная, во многом была противоположностью творчеству Норвида. С Ленартовичем Норвид сблизился после возвращения из Америки (Ленартович эмигрировал в 1848 г., жил в Кракове, Великопольше, затем в Бельгии, Франции, Италии).

Стихотворение является ответом на несохранившееся письмо Ленартовича к Норvidу, в котором Ленартович, по его же свидетельству, призывал Норвида к более активному труду и, по-видимому, пытался склонить к созданию произведений более «легких» и доступных.

Сократ, за что Афины увенчали...

Стихотворение написано в начале 1856 г. (12 января Норвид отослал его Ю. Б. Залескому). Опубликовано по-смертно в 1908 г.

Поводом для написания стихотворения явились обстоятельства похорон Адама Мицкевича. Мицкевич скончался 26 ноября 1855 г. в Константинополе. Возникли споры о месте захоронения останков поэта (причем дали себя знать разногласия среди эмиграции и политические цели отдельных ее групп). В конце концов было принято решение перенести тело поэта во Францию, где жила его семья. Лишь 30 декабря состоялась траурная панихида, а 8 января 1856 г. пароход «Евфрат» доставил прах поэта в Марсель, откуда его привезли железной дорогой в Париж, установив затем в церкви святой Магдалены. 21 января тело Мицкевича было похоронено на парижском кладбище Монморанси. Спустя почти тридцать пять лет, уже после смерти Норвида, прах Мицкевича был торжественно перенесен в Краков и погребен (4 июля 1890 г.) в подземелье Вавельского замка.

Сократ, за что...— Древнегреческому философу Сократу, осужденному афинским судом и принявшему чашу с ядом, был вознесен памятник работы Лизиппа во дворце тюрьмы, где он был заключен.

Две гробницы... Данте...— Данте, изгнанный в 1302 г. из Флоренции, умер в 1321 г. в Равенне и похоронен в местном монастыре францисканцев. В XV в. ему был там воздвигнут мавзолей. Флорентийцы безуспешно добивались перенесения останков гениального земляка на его родину.

Три раза... хоронят...— Христофор Колумб, умерший в 1506 г. в Вальядолиде, первоначально был там и похоронен, но в 1509 г. его прах был перенесен в Севилью, после 1540 г. в Сан-Доминго (остров Гаити), а в 1795 г. в Гавану (Куба).

За что хотят найти твой прах, Камозэнс...— Могила великого португальского поэта Луиша ди Камозэнса (1525—1580), умершего в бедности, была разрушена лиссабонским землетрясением 1755 г. В 1854 г., когда устроено было чествование его праха, пришлось перенести с разрушенного кладбища все обнаруженные там останки.

Двух могил в двух странах удостоен...— Тадеуш Костюшко (1746—1817), польский национальный герой, возглавивший восстание 1794 г., большую часть жизни провел вне родины: умер в Швейцарии. В 1817 г. тело его было

перенесено в Краков, но в Швейцарии осталось захороненным его сердце.

Потом — два гроба...— Прах Наполеона I был перенесен с острова Св. Елены в Париж в 1840 г. На событие это откликнулись многие поэты: в России — Лермонтов, Хомяков, в Польше — Словацкий и др.

М и р

Опубликовано посмертно в Собрании сочинений Норвида, подготовленном З. Пшесмыцким (1912). Написано в связи с окончанием военных действий и созывом Парижского конгресса для выработки мирного договора, завершившего Крымскую войну. Польская эмиграция возлагала на конгресс обманчивые надежды, ожидая, что в переговорах будет затронут польский вопрос. Норвид таких надежд не питал, что и дал понять в своем аллегорическом стихотворении. Стихотворение посвящено двум видным деятелям эмиграции. Юзеф Высоцкий (1809—1873) участвовал в восстании 1830—1831 гг., в эмиграции примкнул к Польскому демократическому обществу, в 1848 г. командовал польским легионом в венгерской революционной армии. Позднее активно участвовал в подготовке нового восстания и событиях 1863 г. Людвик Мерославский (1814—1878) также участвовал в восстании 1830 г. и входил в Демократическое общество, занимался подготовкой нового восстания, но в 1846 г. был арестован и осужден прусскими властями, в 1848 г. возглавил восстание в Великопольше, участвовал в революционных выступлениях в Сицилии и в Бадене, чем завоевал авторитет у патриотов в стране и эмиграции. Но как раз с момента Крымской войны Мерославский занял особую, раскольническую позицию в демократическом лагере.

Стихотворению предпослан эпиграф следующего содержания:

«Неизвестный человек, сопровождавший двор, питавший возвышенную надежду открыть новый свет, был печален среди всеобщего веселья, он равнодушно и почти презрительно взирал на победу, которая, казалось, превзошла все ожидания. Этим человеком был Христофор Колумб. Переведено с испанского: «История времен короля Фердинанда».

Взята Гренада...— Имеется в виду заключительный эпизод Реконквисты, отвоевания испанцами (и португальцами) территорий Пиренейского полуострова, захваченных маврами.

Лигурия — приморская область Италии, с центром в городе Генуя, уроженцем которого был Колумб.

С п а р т а к

Опубликовано посмертно в 1907 г.

Непосредственным поводом для написания стихотворения считается публикация поэмы Т. Ленартовича «Гладиаторы» (1857), отмеченной антифеодальными и своеобразно славянофильскими тенденциями, а затем рецензии на нее Ю. Клячко, резко осудившего поэму. Но героический облик вождя восстания рабов против Рима в I в. до н. э. еще задолго до этого привлекал внимание Норвида. С восхищением он говорил о нем и позднее, в лекциях о Словацком.

«Спартак», как установлено в норвидологии, может считаться одним из свидетельств знакомства Норвида с русской поэзией. Форма его многими чертами — размер, максимально близкий к пятистопному ямбу, чередование мужских и женских рифм (правда, несколько иное, нежели у Пушкина), строфа из четырнадцати строк (три четверостишия и двустипшие) — напоминает «онегинскую строфу».

С л а в а

Опубликовано в 1858 г. в краковском «Часе». Стихи, вынесенные в эпиграф, приписаны Норвидом Кохановскому по ошибке: в действительности они принадлежат Станиславу Ожельскому (ок. 1581—1626 гг.), малоизвестному автору макаронических виршей.

На смерть Яна Гаевского

Издано в 1858 г.

Ян Тадеуш Гаевский (1827—1858) эмигрировал в 1848 г. из Варшавы, желая принять участие в венгерской революции, но был задержан австрийскими властями. Окончив Центральную школу в Париже, он служил инженером во французской железнодорожной компании, и ею был послан в Англию для приема заказанных там паровозов. При взрыве погибло восемь рабочих. Гаевский через неделю умер от ожогов. Тело его эмигранты перевезли во Францию и устроили торжественные похороны, в которых участвовал Норвид.

Гражданину Джону Брауну

Стихотворение (опубликованное посмертно, в 1910 г.) было написано при следующих обстоятельствах. Борец за свободу негров в Америке Джон Браун, раненный и схваченный при попытке захвата арсенала в Харперс-Ферри, был 2.XI.1859 г. приговорен к смертной казни через повешение. В Европе прогрессивная общественность выступила в защиту Брауна (в кампании протеста активно участвовал Виктор Гюго). Норвид во второй половине ноября послал это стихотворение в Америку, вероятно, кому-то из польских эмигрантов.

Джон Браун

Стихотворение (напечатанное в 1862 г. в лейпцигском издании «Поэзии» Норвида) возникло вслед за предыдущим, по-видимому, в конце ноября — начале декабря, прежде чем до Парижа дошла весть о казни Джона Брауна в Чарлстоне 2. XII. 1859 г.

В качестве эпиграфа был предпослан следующий отрывок из письма Джона Брауна: «Насколько я мог судить по своему опыту, только от смелых людей можно ожидать человечности по отношению к побежденному противнику: трусы демонстрируют свою смелость жестокостью. Христос, великий поборник свободы, и в то же время спасения, который — как было предсказано — начал свою миссию с ее провозглашения, Христос, говорю я вам, счел нужным взять у меня меч из стали, который я одно время носил, и вместо него вручил мне — меч надежды. Обдумав это, я несколько не огорчился. Но что касается меня самого, я был весьма огорчен, что не сумел встать на высоту моих собственных замыслов, но сейчас чувствую себя умиротворенным и в этом отношении, ибо господень план был, несомненно, бесконечно лучше моего: иначе бы я от него отступил».

...ровесник века...— Браун родился в 1800 году.

...собой и сынами...— Два сына Брауна погибли в бою за арсенал.

Выставки диковинные ваши...— Имеются в виду всемирные выставки в Лондоне (1851), Нью-Йорке (1853), Париже (1855).

Б е а т р и ч е

Впервые опубликовано в 1861 г. в краковском еженедельнике «Невеста». Эпиграф взят из «Антигоны» Софокла.

Начните прямо: женщина! — Намек на монолог Густава из IV части «Дядюв» Адама Мицкевича:

О, женщина! Создание пустое!
Пушинка на ветру! Ты внешней красотой
Внушаешь зависть ангелам крылатым,
Но как бездушна ты!

(Перевод Л. Мартынова)

О да.— Посвящена Бригиде, дочери помещика Ксаверия Дыбовского, который состоял в родстве с Норвидами (был отчимом матери поэта), а после смерти Яна Норвида стал опекуном его несовершеннолетних детей. Норвид бывал в имении Дыбовских на каникулах, детская привязанность переросла в любовь, заранее обреченную на несчастливый исход ввиду материальной необеспеченности молодого Циприана.

Когда струилась кровь...— Речь идет о событиях 1848—1849 гг.

Роза за решеткой...— Поэт говорит о своем пребывании в берлинской тюрьме. Цветы ему приносила туда жена одного из тогдашних друзей.

Бродил я в пущах...— Видимо, Норвид имеет в виду свое пребывание в Америке.

Не как Эней...— Имеется в виду эпизод из VI песни «Энеиды». Золотая ветка с куста Прозерпины была талисманом, хранившим Энея в его путешествии в Тартар.

И не твоей вуалью...— Бригида вышла замуж за помещика Вышковского, овдовела и в 1860 г. вторично вступила в брак. Известие об этом, по-видимому, и было поводом к написанию стихотворения.

В ч е р а - и - я

Опубликовано посмертно, в 1909 г.

1860 год был отмечен в Варшаве несколькими патристическими манифестациями. Норвид имел возможность о происходившем в Варшаве слышать от очевидцев: в декабре в Париже находилась варшавская поэтесса Я. Луцшевская (Деотима) и буквально накануне написания сти-

хотворения поэт встречался с ней в одном из эмигрантских салонов (именно этим фактом Ю. В. Гомулицкий объясняет заглавие стихотворения). Первые десять строк рассматриваются в свете этого как обращение к польскому народу («гроб» является символом его поработленного положения), который может не понять великого смысла событий, не услышать зова свыше, поверить ложным друзьям, толкующим «ангельский призыв» попросту как начало грозы.

«Эли... Эли!» — Боже, боже! Слова, по евангельскому преданию, сказанные распятым Христом. Отождествление страданий Польши с муками Христа было характерно для романтической поэзии (III часть «Дядюв» Мицкевича и т. д.).

Д а й м н е с и н ю ю л е н т у ...

Текст этого стихотворения, относящегося к 1860—1861 гг., Норвид включил затем в драму «За кулисами» (1865—1866).

Т е м в р е м е н е м

Ю. В. Гомулицкий предполагает, что стихотворение это Норвид переработал позднее для цикла «Vade-mesum», но в составе последнего оно до нас не дошло.

М о я о т ч и з н а

Напечатано было в 1861 г. в Париже в виде листовки (экземпляров ее не сохранилось).

Из-за Евфрата... — Намек на теории, помещавшие колыбель всего человечества в Месопотамии.

И м п р о в и з а ц и я

Опубликовано 29.III. 1861 г. в газете «Дзенник познанский».

25. II. 1861 г., в годовщину Гроховской битвы 1831 г., в Варшаве состоялась патриотическая манифестация, разогнанная жандармерией и казаками, причем ряд ее участников был арестован. 27. II. революционная молодежь организовала новое шествие, требуя освобождения арестованных. На Замковой площади произошли столкновения

между манифестантами и войском, на улице Краковске Шпедмьесте солдаты стреляли в толпу, пять человек было убито. Царский наместник в Королевстве Польском, напуганый происшедшим, отозвал войска в казармы. Варшава забурлила: тела погибших были торжественно пронесены по улицам и выставлены на всеобщее обозрение. 2.III. состоялись торжественные похороны жертв, причем умеренная помещичье-буржуазная партия, стремившаяся сдерживать гнев варшавян и не допустить восстания, добилась, чтобы они прошли спокойно. Об этих событиях и писал Норвид в своем стихотворении.

В е л и ч и е

Опубликовано в лейпцигском сборнике 1862 г.

В а л ь б о м

Написанное, вероятно, в 1861 г., стихотворение было включено затем в текст пролога к трагедии «Тиртей». Опубликовано посмертно в 1905 г.

Пифагор...— Норвид имеет в виду древнегреческую легенду, согласно которой философ Пифагор спускался в царство Аида и беседовал с тенями Гомера и Гезиода.

Мандрагэра...— Корень этого растения, по древним поверьям, имел волшебные свойства: излечивал женщину от бесплодия или, вызывая временно умопомрачение, помогал забыть горе матери, потерявшей младенца. Такое его применение и имеет в виду поэт: в оригинале говорится о «безумных женщинах», бродящих в Лимбе, то есть преддверии ада, куда попадали — как верили в средневековье — души детей, умерших некрещеными.

П о л ь к а

Опубликовано в лейпцигском сборнике 1862 г.

Противопоставление, на котором основано стихотворение Норвида, двупланово: это противопоставление не только двух типов женской красоты (чисто внешней, поражающей лишь взор, и внутренней, духовной), но и двух типов поэзии: чисто описательной и проникающей в сущность явления. Это подчеркивается и в эпиграфе — *Sunt verba et voces...*— противопоставлением поэзии-«звука» и поэзии-«слова».

С чертой страдания ее наклон...—По-видимому, Норвид здесь (и в последующих словах: «*И римлянка, и вождь она по стати...*») указывает на активное участие польских женщин в манифестациях 1861 г. (были они и среди убитых и арестованных). Это, а также имеющееся ниже упоминание Пигмалиона указывает, что гимн второго арфиста польской женщине здесь как бы перерастает в гимн оживающей, пробуждающейся Польше кануна 1863 г.

Она — Мария...— Имеется в виду библейская пророчица Мариам, сестра Моисея, выведшего израильтян из египетской неволи.

Post scriptum

Впервые напечатано в 1862 г. в Варшаве в «Сборнике в честь К. В. Вуйцицкого», как добавление к норвидовскому переводу одной из од Горация. Норвид изложил в связи с этим свое понимание классики.

Ответ на вопрос: почему я в конфедератке?

Впервые опубликовано в лейпцигском издании 1862 г.

Поводом к написанию стихотворения послужил следующий эпизод. В ноябре 1861 г. Норвид сфотографировался в конфедератке, головном уборе, который был весьма популярен у участников манифестаций в стране и патриотически настроенных эмигрантов. Снимок этот был им послан одной из знакомых, Люции Раутенштраух, проживавшей во Львове. Последняя выразила в письме недовольство снимком, бестактно заметив, что Норвиду — уже в силу его физических данных — никак не к лицу сабля или конфедератка вместо кисти, резца и пера и совсем не приличествует воинственная поза. Обиженный Норвид ответил стихотворением.

Скорей — калека...— Норвид намекает на героя обороны Варшавы в 1831 г. генерала Совинского, у которого не было одной ноги, и на генерала Бема, потерявшего руку.

Пяст...— Как указывает Ю. В. Гомулицкий, поэт имеет в виду не родоначальника древнейшей польской династии, а короля Яна III Собеского («Пяст» здесь обозначает его польское происхождение).

В р а г у

Опубликовано в июле 1863 г. в «Дзеннике литерат-ком». Написано стихотворение было несколько ранее, в феврале, под первым впечатлением начавшегося 22.I. 1863 г. восстания. Как явствует из текста, Норвид проводил различие между исполнителями царской воли, заливавшими Польшу кровью, и русскими («все, кто люди»), способными откликнуться на свобододлюбивый призыв и свергнуть «глыбу льда».

Доколе за тебя я буду умирать? — Намек на лозунг польских революционеров «За нашу и вашу свободу».

...ничего в себе не зачиная... — Норвид был убежден, что какие-либо преобразования в Российской империи могут произойти лишь под нажимом извне, причем Польша должна сыграть в этом особо важную роль.

Своим пророкам замыкать уста... — Норвид говорит здесь о пяти повешенных декабристах, продолжая уже существовавшую до него в польской поэзии традицию (стихотворение М. Гославского «На смерть Пестеля, Муравьева и всех погибших за русскую свободу», 1826; послание А. Мицкевича «Русским друзьям», 1832).

Знаменитой русской танцовщице — неизвестной монахине

Написано в апреле 1865 года, напечатано посмертно, в 1933 г.

Кому посвящено стихотворение, точно не установлено. Среди возможных адресаток называют балерин Н. К. Богданову, выступавшую в Варшаве и в Париже, и М. Н. Муравьеву, танцевавшую в парижской опере в 1862 г., в 1864 г. выехавшую из Парижа и в 1865 г. оставившую сцену.

V a d e - м е с и м

История возникновения этого лирического цикла Норвида выглядит следующим образом. После того как Ф. А. Брокгауз выпустил в свет сборник «Поэзии» 1862 г., он обратился летом 1865 г. к поэту с предложением издать второй том его произведений. Норвид, оставив на время все прочие работы, занялся подготовкой книги, причем цикл «Vade-mesum» должен был составить первую и основную ее часть. Поэт стремился создать законченное, спаян-

ное внутренним единством целое: исследованиями установлено, что каждое стихотворение цикла «Vade-mecum» так или иначе (содержанием, отдельными мотивами и образами, иногда — формальными признаками) связано с предшествующим и последующим. Норвид включил в цикл ровно сто стихотворений: часть из них была им написана ранее (преимущественно в 1858—1865 гг.), а при составлении цикла, как правило, подверглась доработке, другая же часть создана специально для «Vade-mecum». Своему новому творению Норвид придавал принципиальное, программное значение и предпослал ему обращение «К читателю». «...Польская поэзия, — писал Норвид, имея в виду романтизм, — переживает, по моему разумению, критический момент. Мои великие и славные предшественники, поистине, если не больше, чем могли, то совершили все, что только можно было. Однако: школа эта, для которой характерно освещение широких исторических ситуаций и вынесение им приговора или разъяснение прав и обязанностей, моральная сторона...» Определив таким образом новые задачи, которые он стремился ввести в польскую поэзию, Норвид говорит далее о тех сторонах поэтического творчества, которые, по его мнению, в перспективе должны отпасть или сойти на второй план. Он полагает прежде всего, что «развитие журналистики освобождает от многих вещей и грузов, которые до сих пор несла на своих крыльях поэзия». Второй чертой романтической школы он называет «просто народный и сельский элемент», предсказывая, что «решение в той или иной степени крестьянского вопроса отнимет вместе с тем очень многое из лирического одушевления в этом аркадском отношении». Наконец, касаясь «третьей черты», «особенно присущего этой школе богатства цвета и картин», Норвид считает, что «развитие живописи перенесет на палитры художников многое из того, что раньше размещалось на страницах рукописей». Он уверен, что поэзия вступает в новый свой этап: «Одним словом, я думаю, что мы перейдем в новую эпоху и, смею сказать, более нормальную — ибо поэзия как сила выдерживает любые условия времени, но не выдерживает их в равной степени как искусство. Да, она растет в своем могуществе по мере того, как заменяет деятельность других, ей родственных, которые своего не делают. Но, выигрывая этим путем в могуществе, она теряет в искусстве». Многие из этих утверждений

Норвида имели, по-видимому, конкретную полемическую направленность. Свой стихотворный цикл автор рассматривал как открывающий новую фазу поэзии. В письме Ю. И. Крашевскому он прямо говорил: «Польская поэзия пойдет туда, куда указывает путь главная часть «Vade-mesum». В свете этого заглавие цикла можно рассматривать не только как указание на «дантовский» подход к поэтической задаче (заглавие является цитатой из «Ада», где эти слова произносит, обращаясь к Данте, Вергилий), не только как приглашение читателю пройти вместе с поэтом по «аду» современности, но и как призыв «Иди за мной», обращенный к творцам и читателям польской поэзии, которую Норвид хотел увлечь на новые пути.

На окончательное оформление норвидовского замысла, как отмечает Ю. В. Гомулицкий, оказало влияние знакомство с книгой стихов Шарля Бодлера «Цветы зла» (1857, дополненное издание — 1861). Исследователь обнаружил в обоих циклах много сходных черт. Это, во-первых, стремление создать произведение значительное, поэтический манифест, возвещающий новое. Это, во-вторых, наличие подчеркнутой «дантовской» темы. Известно, что Бодлер первоначально намеревался назвать свою книгу «Круги ада». (При этом, конечно, интерес к автору «Божественной комедии» у Норвида проявился еще до знакомства с «Цветами зла»: еще в 1852 г. он начал поэму «Земля» с подзаголовком «Четвертый том комедии Данте», в 1857 г. работал над недошедшей до нас поэмой в аналогичном духе — «Тени»). В-третьих, произведения французского и польского поэтов роднит ряд формальных черт: сто пронумерованных стихов (у Бодлера — в издании 1857 г.), деление на части, выдвижение в начало цикла стихов о судьбе поэта и о поэзии, спаянность стихов между собою, превращение их в звенья одной цепи и т. д.

Дальнейшая судьба норвидовского шедевра была крайне печальной. Норвид отослал его в Лейпциг. Но в тревожной обстановке надвигавшейся австро-прусской войны, снижения издательской конъюнктуры Брокгауз от издания отказался. Обращения к другим издателям, предпринятые в последующие годы, успеха не имели. Норвид возобновлял работу над циклом, вносил поправки и улучшения, но увидеть свой замысел осуществленным ему не довелось: только отдельные стихотворения, кроме опубликованных до 1865 г., попали в печать. Более того, когда Зенон Пшемыцкий оказался в 1898 г. обладателем рукописей Норвида, он обнаружил в автографе «Vade-mesum» невосполнимые пробелы: пропало четырнадцать стихов, некоторые

дошли в неполном виде, но были и стихи, имевшие несколько редакций, из которых трудно было выбрать окончательную. Пшесмыцкий напечатал найденные стихи по отдельности и группами. Но потребовалась еще долгая работа по установлению состава цикла, прочтению рукописей, отбору вариантов, прежде чем стало возможным отдельное издание этого памятника польской поэзии. Осуществлено оно было уже в годы Народной Польши.

«Ладо ни натрудив рукоплесканьем...»

Написано в конце 1858 г., опубликовано посмертно в 1904 г.

...люди ждали дел.—Норвид здесь говорит о начале 40-х годов, времени своего вступления в литературу. Как раз тогда, после 30-х годов, периода репрессий и подавленности, в Королевстве Польском и других частях страны ожили патриотические настроения, активизировалась умственная и литературная жизнь.

...лавр и мрак.— Можно понять эти слова как указание на то, что 40-е годы были зенитом славы великих поэтов-романтиков (выше сказано: «Дородный лавр задумчиво шумел») и вместе с тем временем их ухода в мистические искания.

О лавры!— обращение к Мицкевичу, Словацкому, Красинскому. В дальнейших строках Норвид подчеркивает свою поэтическую самостоятельность, говорит о своем уходе в эмиграцию, с горечью вспоминает о дружбе с Красинским и последовавшем разрыве.

...иногда в Ерусалим, но через Вавилон...— Норвид хочет этим сказать, что он через настоящее (Вавилон — символ изгнания и пленения) обращается к будущему (Иерусалим, обозначающий обретение родины).

Прошлое

Возникло, вероятно, в начале 1865 г., опубликовано в 1933 г.

Гармония

Возникло не позднее 1861 г., опубликовано посмертно в 1933 г.

В В е р о н е

Норвид мог побывать в Вероне и посетить могилу, приписываемую молвой прославленным героям шекспировской трагедии, во время поездок по Италии, скорее всего в 1848 г. или в январе 1849 г. (по пути из Рима в Париж). Тогда, по-видимому, и было написано это стихотворение, опубликованное автором в 1854 г. в познанском альманахе «Поклосе», под заглавием «Над могилой Джульетты Капулетти в Вероне». Для цикла «Vade-mesum» Норвид слегка доработал стихотворение, изменив заголовок.

Л и р и к а и п е ч а т ь

Написано не позднее 1861 г., посмертно опубликовано в 1933 г.

Т е м н о т а

Возникло одновременно с предыдущим стихотворением (и тесно связано с ним по содержанию). Впоследствии Норвид вернулся к этому тексту, создал его новую редакцию, которая увидела свет в варшавском журнале «Эхо» (1877). Проблема восприятия его стихотворений читателем всегда волновала Норвида и была предметом его спора с современниками. Он неизменно настаивал на том, что «трудность», «непонятность» его поэзии относительна и вполне преодолима при условии доброй воли со стороны читателя, его доверия к автору, желания и способности приложить усилия для проникновения в поэтический замысел.

Ч и н о в н и к и

Опубликовано посмертно в 1929 г. Слово «чиновники» Норвид привел в русском его звучании (вслед за Мицкевичем в III части «Дзядов») и употребил в расширительном смысле: как обозначение тупого консерватизма, игнорирования совершающихся в мире перемен, равнодушия к потребностям общественного развития.

П и л и г р и м

Написано, по-видимому, в первой половине 60-х годов, опубликовано в 1904 г.

В и д е н и е

Написание этого стихотворения можно связывать непосредственно с пребыванием поэта в Лондоне (после возвращения из Америки) в июле—декабре 1854 г. Но, можно предположить, как указывает Ю. В. Гомулицкий, основываясь на ряде деталей «Видения», что оно возникло уже после прочтения бодлеровских «Цветов зла», то есть после 1857 г., а еще вероятнее в 1861 г. (когда вышло второе издание). Напечатано посмертно в 1933 г.

С о с т р а д а н и е

Впервые опубликовано посмертно в 1904 г.

Д е р е в н я

Текст этого стихотворения (впервые опубликовано посмертно в 1946 г.) Норвид включил также, слегка переработав, в поэму «A Dogio ad Phrygium».

С т о л и ц а

Написано, вероятно, в 1861 г., опубликовано в 1933 г.

О с о б е н н о с т и

Опубликовано посмертно в 1933 г.

С и р о т с т в о

Опубликовано посмертно в 1904 г.

П о ч е м у я н е в х о р е ?

Судя по тексту стихотворения (опубликовано посмертно в 1933 г.), его возникновение можно связывать с реакцией поэта на варшавские события февраля—апреля 1861 г. Норвид, в отличие от многих эмигрантов, считал восстание преждевременным и боялся, что оно только обескровит нацию. Помня о поражениях и репрессиях 30—40-х годов, он указывал на вопиющее неравенство сил. К расчетам революционных демократов на то, что вос-

стане встретит отклик среди русских, Норвид относился скептически, а о связях их с русскими революционерами, разумеется, не знал. «Поляков обидело бы,— замечал он, например, в одном из писем 1863 г.,— если бы они имели столько политического разума, чтобы создать себе партию в России (...) Ибо поляки рассчитывают скорее на (как они говорят) принесение в жертву крови поколений через каждые 15 лет, на периодическое избиение младенцев, пока бог из облаков не выглянет». Норвид использует в стихотворении широко известные евангельские образы (избиение младенцев по приказу Ирода, поклонение пастырей и волхвов Иисусу).

М и с т и ц и з м

Возникло не позднее 1861 г., опубликовано в 1933 г.

Р о к

Предположительная дата написания — 1858. Опубликовано посмертно в 1904 г.

И р о н и я

Первые две строфы этого стихотворения были созданы Норвидом, вероятно всего, в 1860—1861 гг. и вписаны в альбом одного из друзей. В 1865 г. автор доработал и дописал стихотворение, готовя его для «Vade-mesum». Посмертная публикация — 1904 г.

Д в е С и б и р и

Опубликовано посмертно в 1929 г.

Р а з о ч а р о в а н и я

Опубликовано посмертно в 1933 г.

Р о д н о й я з ы к

Написано в 1863—1865 гг. Опубликовано посмертно в 1914 г.

Боги и человек

Опубликовано посмертно в 1904 г.

Зрелые лавры

Опубликовано посмертно в 1904 г.

Великие слова

Написано, по всей вероятности, в 1862 г., опубликовано в 1921 г.

...ветвь, что, уцепив Авессалома...—Имеется в виду библейский рассказ о гибели Авессалома, сына царя Давида, поднявшего мятеж против отца. Авессалом, бежавший после поражения, запутался при бегстве в ветвях дуба, повис на нем, там был найден и убит.

К чему

Написано между 1858 и 1861 гг. Позднее Норвид переработал стихотворение и включил его в измененных редакциях в тексты двух новелл 80-х годов. Аналогичная ситуация изображена была в польской поэзии еще Мицкевичем в одном из сонетов (1828). Норвид, однако, дополняет жалобы влюбленного обобщающей концовкой космически скорбного звучания, переводящей интимно-лирическую тему в философский план.

Пустяки

Написано, вероятно, перед 1865 г., опубликовано посмертно в 1932 г.

Нервы

Опубликовано посмертно в 1904 г.

Стихотворение основано на действительном факте (Норвид рассказал о нем в письмах), относящемся к ноябрю 1862 г., когда поэт посетил находившуюся в бедственном положении польскую семью в Париже и был свидетелем равнодушного отношения к ней состоятельных дам, ограничившихся словами сочувствия и возмущения. Материальную помощь несчастной семье оказал Норвид, сам крайне нуждавшийся.

Первая редакция этого стихотворения создана была в последние месяцы 1863 г., непосредственно в дни восстания, и опубликована в 1865 г. в «Сборнике научного общества польской молодежи в Париже». Для «Vade-mecum» Норвид во второй половине 1865 г. создал новую редакцию стихотворения, которое стало в цикле одним из завершающих (предпоследним). Посвятил автор «Фортепиано Шопена» Антонию Чайковскому (1816—1873), в 40-е годы занимавшемуся поэзией, затем ставшему профессором в Петербургском университете. Чайковский знал Норвида еще с Варшавы, высоко ценил его талант, предсказывал блестящую будущность, содействовал изданию его произведений в Петербурге, встречался с поэтом во время поездки в Париж.

Поводом для создания стихотворения стал следующий эпизод восстания. Вечером 19 сентября 1863 г. в Варшаве на улице Новы Свят было совершено покушение на царского наместника в Королевстве Польском Ф. Ф. Берга, непосредственно руководившего репрессиями против повстанцев. В Берга из дворца Замоиских было сделано несколько выстрелов и брошена бомба. Наместник уцелел, покушавшиеся скрылись. Были арестованы лица, находившиеся во дворце Замоиских, а само здание разгромлено войсками, при этом погибли находившиеся там произведения искусства и реликвии польской культуры, в том числе фортепиано, на котором играл Шопен до отъезда из Варшавы. Оно было выкинуто из окна на мостовую и разбито. Происшествие было подробно описано в заграничной прессе. Под пером Норвида рассказ о нем перерос в воспоминания о Шопене, в размышления о судьбе и творчестве композитора, в котором Норвид видел образец национального художника, в размышления об искусстве вообще, о его соотношении с действительностью, о будущем слиянии идеала-искусства с реальностью, повседневностью.

Я был у тебя в предпоследние дни...— Норвид познакомился с Шопеном в Париже в феврале—марте 1849 г., неоднократно бывал у него весной и летом этого года.

...мире, которую бросил Орфей...— Здесь (и ниже, в X строфе) Норвид обращается к античной легенде о музыканте Орфее, растерзанном неистовыми фракийскими вакханками.

Польша колесников преобразенных...— Имеется в виду легенда о колеснике Пясте, который был избран королем и стал родоначальником средневековой польской династии.

О ты... Дополнение, сверх-содержанье...— Термин «Дополнение» был связан с норвидовским пониманием поэзии, согласно которому она обязательно должна обладать скрытым, невысказанным прямо содержанием. Содержание это (а без него, по Норvidу, нет целого, нет завершенности, совершенства в искусстве) должно угадываться, восприниматься, постигаться впечатлительным и активным читателем, приобретаемым таким образом к соучастию в поэтическом творчестве. Несколькими строками ниже Норвид поясняет это положение при помощи гегелевской триады (он еще в 40-е годы интересовался гегелевской философией, в период близости с Красинским, пережившим аналогичное увлечение, и польским гегельянцем А. Цешковским). «Буква», то есть «недополненное» произведение, выступает у него как первая ступень, тезис; «Дух», то есть «Дополнение» — как вторая, антитезис; а третьей, синтезом, является «Консумматум», целостное, идеальное творение. Норвид сформулировал целую эстетическую теорию «молчания», «паузы», «замалчивания». «Недосказанное», «скрытая мысль» выступало у него как неотъемлемый элемент, «живая часть» поэтической речи, будучи органически связано со всем остальным и получая продолжение, полное развитие в последующей речи, в очередной фразе, превращаясь в основу последней и создавая новую «недоговоренность», так чтобы достигалась непрерывная, крепкая связь всего созданного. Теорию свою поэт пытался приложить к развитию искусства и человеческого общества.

Зыгмунтов меч...— Речь идет о варшавской «колонне Зыгмунта» на Замковой площади.

Траурных вдов...— Варшавские женщины во время патриотических манифестаций и в дни восстания носили траурную одежду, что было запрещено специальным распоряжением властей в октябре 1863 г.

Идеал коснулся мостовой...— Норвид вложил в этот образ многозначное содержание. «Мостовая» символизировала у него грубую реальность, общество, чуждое искусству, а «фортепиано» — творчество Шопена, искусство вообще, «Идеал».

П о с в я щ е н и е

Это стихотворение Норвид в 1866 г. включил в качестве посвящения в трагедию «Тиртей» (позднее — драма «За кулисами»). Впоследствии была создана новая

редакция стихотворения, опубликованная в 1877 г. в варшавском журнале «Эхо».

Окровавленные пальцы...— Этот эпитет, намекавший на события 1863 г., был в печати заменен другим.

Партенопы — сирены.

Песнь Тиртея

В первоначальный текст, включенный в трагедию «Тиртей», Норвид внес поправки и сокращения в 1876 г., создав из него самостоятельное произведение. Посмертная публикация — 1912 г.

К современникам

Написано, по-видимому, в конце 1867 — начале 1868 г. Опубликовано посмертно в 1910 г.

Кроваво и пожарно...— Намек на «Хорал» поэта Корнея Уейского (1823—1897), посвященный событиям 1846 г., крестьянскому восстанию в Галиции, вошедший в цикл «Жалобы Иеремии» (1847) и начинавшийся словами: «С дымом пожаров, с потоками братской крови...»

Что ей сказать?

Впервые опубликовано посмертно в 1926 г.

Пани М., идущей купить тарелку

Опубликовано посмертно в 1912 г.

Пани М. — жена художника Титуса Малешевского, с которым Норвид встречался в ту пору в Париже и в семье которого бывал.

Еще Франция не погибла!

Опубликовано в краковской газете «Час» 3.IX. 1870 г.

Норвид написал свое стихотворение в дни поражений, понесенных французской армией во франко-прусской войне. Перефразируя первые слова «Мазурки Домбровского» (сложенной в годы, когда польские легионы сражались на стороне Франции, и ставшей польским национальным гимном), он выражал солидарность передового польского

общества с французскими патриотами, напоминал о традиции совместных революционных выступлений, о поддержке, оказанной поляками Франции восстаниями 1794 и 1830 гг.

Скульптор

Написано в 1876 г., опубликовано посмертно в 1904 г.

Брониславу З.

Текст стихотворения послан адресату 21.I. 1879 г. Адресатом этим был Бронислав Залеский (1819—1880), историк, публицист, участник освободительного движения (в 1848—1856 гг. находился в ссылке, где сблизился с Т. Г. Шевченко, с 1861 г. жил в эмиграции).

Опубликовано посмертно в 1933 г.

«Помнишь ли карнавал венецейский»... — Цитата из романтической поэмы Антония Мальчевского «Мария» (1825).

Старый Мишле... — С известным французским историком Жюлем Мишле (1798—1874), симпатизировавшим польскому освободительному движению, Норвид встречался в начале 50-х годов.

Творец «Валленрода» — Адам Мицкевич.

...то ржавую саблю... — В приюте находились вместе с Норвидом ветераны польских восстаний, в том числе восстания 1830—1831 гг.

Старец, почти что столетний... — Полковник Дионизий Масловский (1793—1884), участник восстания 1830—1831 гг.

Тирсо да Молина (1584—1648) — испанский драматург, автор «Севильского озорника», драматической обработки легенды о Дон-Жуане.

«Изгнанник, я ищу не славы, но покоя...» — цитата из элегии Овидия («Тристии», IV, I).

Красоты времени

Опубликовано посмертно в 1933 г.

Раздетая

Написано в мае 1881 г., опубликовано посмертно в 1921 г.

В стихотворении речь идет, очевидно, о политическом положении Польши. (Польское «*rozczepiana*» означает не только «раздета», но и «разделена»). «*Три белошвейки* — три поработившие Польшу державы. «*Три стиля одежды*» — российский («восточный»), прусский («западный») и австрийский («доскутный»). Упоминание древнего мифа об Актеоне (как известно, обращенного богами в оленя и растерзанного собственными псами) у поэта звучало как заповедь гибели деспотических захватнических режимов.

С л а в я н и н

Написано в июне 1882 г., опубликовано посмертно в 1932 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Я. Ивашкевич. Норвид</i>	3
---------------------------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

<i>Буря. Перевод В. Корнилова</i>	9
<i>Перо. Перевод Д. Самойлова</i>	10
<i>Моя песенка [I]. Перевод В. Корнилова</i>	11
<i>Italiam! Italiam! Перевод В. Корнилова</i>	13
<i>Scherzo. Перевод В. Корнилова</i>	14
<i>Белый мрамор. Перевод Д. Самойлова</i>	16
<i>Времена. Перевод В. Корнилова</i>	17
<i>Осень. Перевод Д. Самойлова</i>	18
<i>Песнь от нашей земли. Перевод В. Корнилова</i>	19
<i>Aegumnamum plenus. Перевод В. Корни-</i>	
<i>лова</i>	21
<i>Наша эпопея. Перевод В. Корнилова</i>	23
<i>Заседание. Перевод Д. Самойлова</i>	27
<i>Их сила. Перевод Д. Самойлова</i>	28
<i>Памяти Бема траурная рапсодия. Перевод</i>	
<i>Д. Самойлова</i>	29
<i>Моя песенка [II]. Перевод Л. Мартынова</i>	31
<i>Три строфы. Перевод Д. Самойлова</i>	33
<i>Кроткую песнь не проси... Перевод Д. Са-</i>	
<i>мойлова</i>	34
<i>Сократ, за что Афины увенчали... Перевод</i>	
<i>Д. Самойлова</i>	35
<i>Мир. Перевод В. Корнилова</i>	37
<i>Спартак. Перевод В. Корнилова</i>	38

Слава. Перевод В. Корнилова	40
На смерть Яна Гаевского. Перевод В. Корнилова	44
Гражданину Джону Брауну. Перевод Д. Самойлова	46
Джон Браун. Перевод Д. Самойлова	48
Беатриче. Перевод Д. Самойлова	51
Вчера-и-я. Перевод Д. Самойлова	54
Дай мне синюю ленту... Перевод Д. Самойлова	55
Тем временем. Перевод Д. Самойлова	56
Моя отчизна. Перевод С. Свяцкого	57
Импровизация. Перевод Д. Самойлова	59
Величие. Перевод Д. Самойлова	60
В альбом. Перевод В. Корнилова	62
Полька. Перевод Д. Самойлова	66
Post scriptum. Перевод Л. Мартынова	70
Ответ на вопрос: почему я в конфедератке? Перевод Д. Самойлова	71
Врагу. Перевод Д. Самойлова	72
Знаменитой русской танцовщице — неизвестной монахини. Перевод Д. Самойлова	73

Vade-mecum

Вместо вступления. Перевод Д. Самойлова	74
«Ладони натрудив рукоплесканьем...» Перевод Д. Самойлова	75
Прошлое. Перевод Д. Самойлова	78
Гармония. Перевод Д. Самойлова	79
В Вероне. Перевод Д. Самойлова	80
Лирика и печать. Перевод Д. Самойлова	81
Темнота. Перевод Д. Самойлова	83
Чиновники. Перевод Д. Самойлова	84
Пилигрим. Перевод Д. Самойлова	85
Видение. Перевод Д. Самойлова	86
Сострадание. Перевод Д. Самойлова	87
Деревня. Перевод Д. Самойлова	88

Столица. Перевод Д. Самойлова	90
Особенности. Перевод Д. Самойлова	92
Сиротство. Перевод Л. Мартынова	93
Почему я не в хоре? Перевод Д. Самойлова	94
Мистицизм. Перевод Д. Самойлова	95
Рок. Перевод Д. Самойлова	96
Ирония. Перевод Д. Самойлова	97
Две Сибири. Перевод Д. Самойлова	99
Разочарования. Перевод Д. Самойлова . . .	100
Родной язык. Перевод Д. Самойлова	102
Боги и человек. Перевод Д. Самойлова . . .	103
Зрелые лавры. Перевод Д. Самойлова	104
Великие слова. Перевод Д. Самойлова	105
К чему. Перевод Д. Самойлова	107
Пустяки. Перевод Д. Самойлова	109
Нервы. Перевод Д. Самойлова	111
Фортепиано Шопена. Перевод Д. Самойлова	113
Посвящение. Перевод В. Корнилова	118
Песнь Тиртея. Перевод В. Корнилова.	120
К современникам. Перевод Д. Самойлова . . .	122
Что ей сказать? Перевод Д. Самойлова . . .	123
Пани М., идущей купить тарелку. Перевод Д. Самойлова	124
Еще Франция не погибла! Перевод Д. Са- мойлова	125
Скульптор. Перевод Д. Самойлова	126
Брониславу З. Перевод Д. Самойлова	127
Красоты времени. Перевод Д. Самойлова . .	130
Раздетая. Перевод Д. Самойлова	131
Славянин. Перевод Д. Самойлова	133
Б. Стахеев. Краткая летопись жизни и твор- чества Циpriана Норвида	134
Комментарии	146

ЦИПРИАН НОРВИД

Стихотворения

Редактор

Ю. Живова

Художественный редактор

Г. Масляненко

Технический редактор

Л. Пичугина

Корректоры *А. Новикович* и

В. Широкова

Сдано в набор 21/IX. 1971 г.

Подписано к печати 21/II. 1972 г.

Бумага типографская № 1. 70×90¹/₃₂.

5,5 печ. л. 6,418 усл. печ. л.

5,751+1 вкл.=5,771 уч.-изд. л.

Тираж 25 000 экз. Заказ 350.

Цена 40 коп.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Васманная, 19

Книжная фабрика «Октябрь»

Комитета по печати при

Совете Министров УССР, Киев, Артема, 23а.